

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Хрустальная
ловушка

Виктория Евгеньевна Платова

Хрустальная ловушка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124285

Хрустальная ловушка: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98684-2

Аннотация

Долгожданная поездка с семьей на горнолыжный курорт оборачивается для Ольги Красинской настоящим кошмаром. Заблудившись в сумерках в горах, она случайно попадает в пещеру, где находит страшную коллекцию – семь трупов, закованных в лед. Не помня себя, Ольга бежит из пещеры. Но ее рассказ воспринимают как бредни сумасшедшей. А через несколько дней в гостиничном номере убит отец Ольги. И она – главная подозреваемая. В ее невиновность не верит никто, даже близкие люди. Не верит и она сама. Что это: действие сумасшедшей или хорошо спланированный преступный замысел? Именно в этом придется разобраться начальнику охраны курорта Пал Палычу Звягинцеву...

Содержание

Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Виктория Платова

Хрустальная ловушка

© Платова В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в написании романа сотрудникам горнолыжного комплекса «Золотая долина» (г. Санкт-Петербург).

...Он будет лучшим в коллекции, этот трофей.

Этот легкомысленный жеребец, конь с яйцами, поклонник фирмы «Саломон»¹, любитель армрестлинга, баночного пива и натуральных блондинок. Блондинок всего пять – две замужем, одна разведена, одна залечивает ранний климакс и полуслепые глаза подобием фристайла. Кажется, такие неприятности со зрением называются астигматизмом... Еще одна, преподавательница философии какого-то московского института, послала его подальше вместе с баночным пивом. Нужно отдать ему должное, он никого не пропустил за ту неделю, что околачивается в «Розе вет-

---

¹ «Саломон» – один из крупнейших производителей лыжного снаряжения.

ров», подонок. А с двумя даже умудрился переспать, с разведенкой и астигматичкой, – они сами на это нарывались, так что доблесть невелика.

Теперь эти две самки ненавидят друг друга.

А он мертв.

О том, как он умер, никто никогда не узнает.

И тело его не найдут, ничего не поделаешь, две лавины прошли одна за другой. В коротком промежутке между ними я успел спасти его. Спасти, чтобы убить. Он не ожидал. Он не ожидал, что моя лыжная палка, переделанная под нож, окажется так остро заточенной. И что она войдет ему под лопатку, не встретив никакого сопротивления.

Перед смертью он назвал мне свое имя. Кирилл. Астигматичка называла его Кирой. Разведенка – Лариком. Я тоже представился. Он обещал мне пиво и армрестлинг, как только мы доберемся до «Розы ветров». Мы спустились по склону: сначала он на своем сноуборде, затем я. Я взял влево, хотя «Роза ветров» находится правее. Он не обратил на это внимания: новички не ориентируются на местности, а он был новичком, это ясно. «Обязательно приеду сюда на следующий год» – это были его последние слова. Последние перед тем, как моя лыжная палка вошла ему под лопатку, не встречая никакого сопротивления.

...Я давно за ним охотился. Он будет лучшим в коллекции, этот трофей, хотя с ним и придется повозиться.

Хорошо посаженная голова, разворот ключиц, грудная

клетка, аккуратные ягодичы – все это выше всяких похвал. Единственное, что раздражает меня, – это удивление, застывшее на его холеном лице. Удивление – и больше ничего. Почему все они безмерно удивляются, когда смерть застанет их врасплох, почему на это так живо реагируют их носогубные складки и глазные яблоки?.. Только с одним трофеем мне повезло – горе-альпинист, отбившийся от группы во время восхождения по южному склону и похороненный лавиной. Он умирал несколько часов, хотя для смерти хватило бы и пятнадцати минут; несколько часов мучений только потому, что ему удалось создать воздушный мешок – он методично бился каской о прессованный снег. Но это только продлило агонию. И придало его лицу то выражение, которое я тщетно хочу придать лицам всех своих трофеев, – выражение неизбежного, нечеловеческого, всепоглощающего ужаса.

Ужас.

Ужас – вот визитная карточка моей коллекции.

Ужас, заключенный в ледяную корку. Ужас как композиционный центр всей скульптурной группы. Шесть фигур, если не считать горе-альпиниста и любителя фристайла Кирилла. С ними будет семь, число слишком неудобное для Страшного суда. Нужен кто-то еще, лучше, чтобы это была женщина, еще одна, кроме той, что у меня уже есть. Но ни астигматичку, ни разведенку я видеть не хочу. И остальных натуральных блондинок тоже, их волосы не так хоро-

ши для льда. Ни одной подходящей фактуры за сезон, есть от чего прийти в отчаяние.

Но я не приду в отчаяние. Я терпелив. Я гораздо более терпелив, чем эти чертовы горы.

Я буду ждать нужную мне женщину. Я буду ждать одну-единственную деталь, которая поможет мне закончить композицию. Последний штрих, финальный аккорд.

Она займет свое место на ледяном пьедестале, и это будет достойное место. Жаль, что никто и никогда не оценит этого. Никто, кроме сводов пещеры, которая свято хранит мою тайну, мой маленький музей фигур из льда. А ведь он вполне мог бы стать достопримечательностью «Розы ветров», и школьники приезжали бы сюда на экскурсию во время зимних каникул... Нет, школьники – это чересчур хлопотно. Фантики от конфет, жвачка, приклеенная к стенам, банки из-под кока-колы, использованные презервативы – школьники остаются ублюдками всегда и везде, никакого почтения к высокому искусству.

А это и есть высокое искусство.

Четверых из семи моих трофеев, моих милых натуралистов, убили горы. Трех – я сам.

А это и есть высокое искусство.

Любвеобильного подонка Кирилла хватятся только к вечеру. Нужно успеть вернуться в «Розу ветров», чтобы принять участие в его поисках. Я буду последним, кто откажется от них.

Спасатели всегда надеются на лучшее, хотя прекрасно информированы о худшем...

К тому же нужно еще покормить собак. Как же я мог забыть о собаках?..

Часть I

*Знатные семьи всегда преследует злой рок.
Юдзан Дайдодзи.
«Будосёсинсю»*

«Жила-была девочка, которая ненавидела самолеты... Она ненавидела их больше, чем рыбий жир и гольфы с помпонами. И даже больше, чем костюм Снежинки на новогоднем утреннике. Ее почему-то всегда наряжали Снежинкой, а ей хотелось быть Королевой-домино... Черная клетка – белая клетка. И кружевное жабо вокруг шеи... Быть может, если бы она привыкла к самолетам, ее шея не была бы такой тонкой.

А потом девочка выросла, окончила Московский государственный университет (филфак, последнее прибежище дур из зажиточных семей), и ее абстрактная ненависть к самолетам стала конкретной. Она терпеть не могла всю историю *fucking mother* (извините за ненормативный английский) авиации – от невинной этажерки братьев Райт до последней модели «Боинга». В пакет ненависти входили также: табло «Не курить! Пристегнуть ремни!», авиакомпания «САС» и «Люфтганза», минеральная вода в пластмассовых стаканчиках, мятные карамельки «Полет» и...

И воздушные ямы.

Воздушные ямы, капкан для любого здравомыслящего человека. Сейчас нашу девочку вырвет, интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет, прежде чем случится несчастье?..»

– Интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет? – спросила Ольга слабым голосом.

– Я, кажется, даже знаю, как зовут эту сволочь, кара². – Даже сейчас он не упустил возможности поцеловать ее.

Спустя два с половиной года супружеской жизни. Милый, милый, бесконечно милый Марк, как же ей повезло с ним! Ну, кто еще называл бы ее «кара», разве что какой-нибудь сицилианский мафиози средней руки, вариант крестного отца для бедных... «Кара» – память о медовом месяце в Венеции, туда они тоже летели самолетом.

Венеция – подарок Марка, оплаченный деньгами ее отца. Марк отработывал эти деньги полгода – уже потом Ольга узнала об этом. Вкалывать без выходных после того, как маленькие пароходики в Лидо и Дворец дождей стали воспоминанием, – не всякий пылко влюбленный решится на это.

Милый Марк. Святой Марк.

«Сан-Марко» – именно так обращались бы к нему родные, если бы были итальянцами. Но они не были итальянцами. Кажется, его родной город называется Кизыл-Арват. Совершенно непроизносимое название, затерявшееся где-то в туркменских песках. Почти библейских, как шутит сам

---

² Cara – дорогая (*итал.*).

Марк. Библия, вот чем руководствовалась его мать, рожая детей: Марк – самый старший, есть еще брат Иона и сестры – Мария и Магдалина. Его мать – она заселила бы детьми весь Новый Завет, если бы не умерла...

...Тошнота понемногу проходила, Ольга откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Марк – самый старший из всего кизыл-арватского библейского вывода. Ее муж перед богом и людьми. Правая рука отца, талантливый менеджер, в тридцать три года ставший коммерческим директором крупного нефтедобывающего концерна. Без всяких протекций с ее стороны: это было решение отца, только его. Отец никогда бы не отдал пост своему зятю, если бы он был только зятем. Но Марк был по-настоящему талантлив в бизнесе, отец понял это, как только приблизил его к себе. Марк не любит вспоминать все связанное с его детством и ранней юностью в Кизыл-Арвате: ничего выдающегося там не было – удручающая бедность, несколько соляных озер, змеи, песок и ящерицы-гекконы, лазающие по стенам дома. Он вырвался оттуда, как вырываются из ада. Его мать умерла, сестра Магда, в полном соответствии с именем, перекочевала в один из амстердамских стриптиз-клубов (Марк почти не вспоминает о ней, он ненавидит сестру так же, как Ольга – самолеты). Мария осталась в Кизыл-Арвате и вышла замуж за плотника-туркмена, тоже в полном соответствии с именем. Она работает на местной ковровой фабрике, а на свадьбу подарила Марку и Ольге ковер – он и

сейчас лежит в их спальне, на полу.

Очень красивый ковер. Чередующиеся геометрические фигуры – похоже, что туркмены действительно знают толк в неевклидовой геометрии...

Ольга не видела никого из родных Марка – даже ковер передали с оказией из Ашхабада. Сегодня она наконец-то познакомится с Ионой, младшим братом.

«Иона в чреве кита» – кажется, именно так назывался этот сюжет.

Подходящего кита для Ионы не нашлось. И ему пришлось скрыться в другом чреве. Горы – вот что сразило Иону наповал. Он устроился спасателем на одном из горнолыжных курортов Приэльбрусья. Через час он будет маячить в толпе встречающих в аэропорту. Если верить Марку, их ждут великолепные десять дней в горах. Или две недели, если им уж очень понравится.

Ольга предпочла бы море горам, а песок – снегу.

Но Марк – Марк обожает холод. И воду во всех проявлениях. Издержки детства в пустыне.

После свадьбы они уехали в Венецию – это была осенняя Венеция. Вода во всех проявлениях и облачко пара изо рта по утрам, после любви и перед кофе. Марк был счастлив. Он был счастлив в чужом городе, где все напоминало о нем самом: площадь Сан-Марко, библиотека Сан-Марко, церковь Сан-Марко... Тогда, в Венеции, Ольга и представить не могла, что Марк с ума сходит по горным лыжам. Даже горно-

лыжного снаряжения никогда не было в их доме. Марк купил его за две недели до этой поездки.

Самое дорогое – себе и Ольге.

Горнолыжный шлем очень ему идет. И очки «Turbo C.A.M.», 134 доллара за штуку.

– Ну, как ты, кара? – Марк вернулся сразу с несколькими бумажными пакетами для прискорбных случаев воздушной болезни. Он выглядел таким несчастным, что Ольга невольно улыбнулась.

– Уже лучше, милый. Может быть, все обойдется.

И снова он не удержался и поцеловал ее. «Его губы по-прежнему волнуют меня, – подумала Ольга, – волнуют так же, как и два с половиной года назад, когда мы занимались любовью где попало. «Где попало» – неплохо сказано, но как-то не вяжется с должностью коммерческого директора, который должен быть импотентом-трудоголиком по определению. Да, его губы по-прежнему волнуют меня, и эта его привычка подбираться к моим собственным губам осторожно, исподволь, с ямочки на подбородке. Марк называет это восхождением, покорением вершины...»

Интересно, почему он выбрал горные лыжи, а не альпинизм?

Смешно, я обожаю целоваться со своим собственным мужем...

Теперь-то ее точно стошнит!..

Ольга сразу же отстранилась от Марка и поиграла скула-

ми.

Инесса, как она могла забыть. У их поцелуев есть свидетель. Что-что, а любое проявление чувств Инесса не может не заметить.

– Забыл поделиться своими наблюдениями, кара, – Марк откинулся в кресле. – Твоя мачеха, а моя дражайшая теща – отпетая сука.

– Спасибо, Марик, ты, как всегда, любезен, – Инесса, сидевшая рядом с Марком, положила руку ему на колено.

Марк поморщился, но руки не убрал. За него это сделала Ольга.

– Отличный маникюр, Инка, – мягко сказала она.

– Могу порекомендовать свою маникюршу. И косметичку заодно. – Инесса высвободила свою руку из предупредительно жестоких пальцев Ольги: не касайся моего мужа, отпетая сука!

– До косметички я еще не доросла.

Инесса засмеялась: Ольге всегда нравился ее смех, прозрачный и нежный, как колокольчики на ветру. «Нет, она не отпетая сука. Она – моя лучшая подруга. И жена моего отца».

«Твоя мачеха, а моя дражайшая теща» – еще одна игра, придуманная Марком. Повод для шуток в семейном кругу.

Инесса, Инка, лучшая подруга Ольги, сначала школьная, а потом институтская. Инка, хорошенькая брюнетка с темными, обуглившимися губами. Они поссорились только один

раз в жизни, в седьмом классе, из-за веснушчатого мальчика, который перевелся в другую школу через две недели после ссоры. А Инка и Ольга не разговаривали полгода. До самой смерти Ольгиной матери.

Она покончила с собой – нет, лучше об этом не думать. Не думать, не думать, не думать...

Ольга всегда любила отца. Только его. В их маленькой семье всегда существовал треугольник – с тех самых пор, как Ольгу стали наряжать в костюм Снежинки на утренники в детском саду. Не очень-то ей шло, нужно сказать: Снежинка с иссиня-черными волосами, материнская порода.

Мать Ольги была грузинкой из хорошей тбилисской семьи. Виолончелистка с консерваторским образованием. Родители Ольги познакомились в филармонии, на Дебюсси, худшего места для романтической встречи и вообразить невозможно. Ольга родилась через полтора года после исполнения «Девы-избранницы» во втором отделении.

В пять лет она впервые приехала в Тбилиси. Рано состарившиеся женщины в черном, загробная прохлада комнат, тяжелые фамильные украшения; с перстнем, по семейной легенде принадлежавшим Давиду Строителю, Ольга играла перед сном... Тбилиси стал сплошным кошмаром для пятилетнего московского ребенка. Ольга рыдала без папочки, оставшегося в сказочной, пряничной, такой понятной Москве. Они с матерью уехали через четыре дня. Теперь Ольге двадцать семь, но ей до сих пор стыдно за бегство из

Тбилиси, в котором она больше не была никогда. Даже на похороны матери не поехала – рано состарившиеся женщины в черном увезли ее тело из Москвы. Тогда Ольга свалилась в лихорадке и две недели, пока отец оставался в Тбилиси, пролежала у Инки.

Прости меня, мамочка. При жизни я редко называла тебя мамой. Только Мананой, как отец, даже в этом я старалась походить на него: Манана, ты опять сделала это противное лобию, ты же знаешь, что я не люблю твою грузинскую кухню... Манана, тебя опять вызывают в школу. Манана, я не надену это дурацкое платье... Манана со всем соглашалась, она была чересчур кроткой для грузинки, только в глазах горел нестерпимый, все испепеляющий огонь.

Ольга боялась этого огня, иногда она даже думала перед сном: как было бы хорошо, если бы Манана освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси.

В конце концов она и освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси в оцинкованном гробу. А вместе с ней исчез запах кинзы, пряностей и крепкого кофе. Потом канула в небытие металлическая посуда и глиняные кувшины: никто их не выбрасывал специально, казалось, вещи сами покидали дом. Осталась только виолончель Мананы, она и теперь с отцом, хотя старого дома больше нет. Отец построил себе коттедж за городом, а Ольге купил квартиру на Ленинском проспекте, в престижном доме с дурой-консьержкой и видеокамерами по периметру.

Долгие годы после смерти матери Ольга мучилась угрызениями совести: ей казалось, будь она поласковей с Мананой, никакого самоубийства бы не было. И только когда она стала первокурсницей, крепко выпивший отец рассказал ей *всю правду*.

Манана была больна.

Она всегда казалась немного странной, еще в то время, когда они с отцом встречались и подолгу гуляли в Сокольниках: слишком часто впадала в неистовство, страдала просто патологической ревностью, ее настроение могло кардинально измениться за каких-нибудь пять минут без всякой на то причины. С рождением Ольги все это только усугубилось: Манана, как в спячку, стала впадать в депрессию. Депрессия заканчивалась выплеском неконтролируемой ярости – тогда отцу приходилось прятать все колющие и режущие предметы в доме, включая пилочки для ногтей и маникюрные ножницы. Несколько раз Манана лежала в самых разных психиатрических клиниках: от дочери это всегда скрывали, чтобы не травмировать хрупкое детское сознание. Манана была слишком горда, чтобы позволить дочери стать свидетельницей ее болезни. Грузинская красавица, урожденная Багратиони, она так и не взяла немного плебейскую фамилию отца – Шмаринов. В последний раз она вышла из больницы за три дня до самоубийства...

Отец любил Манану, после ее смерти он долго не женился. А чтобы хоть как-то спастись, с головой ушел в работу. Так

что в фундаменте его сегодняшней нефтяной империи лежит самое банальное одиночество...

Весь первый курс филфака с факультативным испанским, когда так неожиданно открылась их самая страшная семейная тайна, Ольга продрожала за себя. Больше всего она боялась, что фобии ее матери проявятся и в ней. Из этого состояния Ольгу вытащила Инка, поступившая на тот же филфак за компанию с подругой. Тревожные ожидания Ольги она называла не иначе как манией Мананы («Звучит неплохо, как ты думаешь, Лелишна?...»).

Только Инка называла Ольгу Лелишной, это звучало несколько иронически, но всегда успокаивало. И сама Инка успокаивала. До тех самых пор, пока не отправилась вместе с Ольгой и ее отцом на Золотые Пески в Болгарию.

Последние двое суток Инка не ночевала в номере. Ольга подумала было, что знойная красотка Инка подцепила себе какого-нибудь роскошного волосатого болгарина: уж очень много их крутилось рядом, всех этих Петко, Арсенов и Стоянов. Но действительность оказалась просто сюрреалистичной. В самолете (в одном из тех fucking mother самолетов, которые Ольга так ненавидела) отец объявил Ольге, что он женится на ее подруге.

В не самый подходящий момент тупой болтанки в воздушной яме.

Ольгу вырвало.

– Надеюсь, это не реакция на сообщение о нашей помолв-

ке, Лелишна. – Инка и здесь осталась верна себе.

– Не ссорьтесь, девочки, я люблю вас обеих, – примирительно сказал отец.

«Вас обеих» – только этого не хватало! Инка, ее лучшая подруга с самого первого класса; Инка, с которой они шушукались и хихикали, лежа под одним одеялом, когда Ольга оставалась у нее ночевать; Инка теперь спит с ее – ее! – отцом и называет его Игорем.

– Как ты его называешь? – спросила Ольга у Инки, когда отец по прилете отправился за их багажом.

– Кого? – не поняла Инка.

– Отца.

– В смысле?

Инка давала уморительные клички всем мужчинам, с которыми спала, даже тем, с кем у нее были продолжительные романтические отношения, – здоровый цинизм был ее отличительной чертой.

– Ты сама знаешь, в каком.

– Надеюсь, мы все еще подруги, Лелишна, – сказала Инка, глядя в пространство.

Ольга ничего не ответила.

Невозможно, невозможно смириться с тем, что твоя лучшая подруга, о любовных похождениях которой ты знаешь все, станет женой твоего отца. Он будет обнимать ее так же, как любой мужчина обнимает женщину, они будут заниматься любовью – с той лишь разницей, что он не «любой муж-

чина»... Инка обожала делиться своими сексуальными переживаниями в скабрёзных записочках на лекциях. У нее все это выходило смачно. Своих бывших партнеров она называла покойными мошонками, а свой собственный донжуанский список – «мартирологом».

И вот теперь эта термоядерная самка стала женой ее отца.

Они долго не общались – Ольга привыкала к новому статусу Инки.

А потом появился Марк, и все отодвинулось на задний план: и Инка, и отец, и их брак. Марк и Инка сразу невзлюбили друг друга, Марк считал Инку рафинированной шлюхой, что было несправедливо: отцу Инка не изменяла, нужно отдать ей должное. Инка же платила Марку той же монетой: «Туркменский выскочка, вот ты кто». Впрочем, это не мешало им сохранять вооруженный нейтралитет и довольно остроумно пикироваться при этом: Ольге нравились эти импровизированные турниры. Отцу тоже.

В конце концов это может стать семейным видом спорта, почему нет?..

Впрочем, теперь их ждет совсем другой спорт.

Это была идея Марка – отправиться к брату. Инка увязалась за ними – хватило только намека со стороны Ольги. Инка могла выбрать для отдыха что-нибудь менее экзотическое: например, дартс в каком-нибудь ирландском пабе с обязательной экскурсией на малую родину актера Шона Коннери. Или бридж и устрицы где-нибудь на Французской Ривьере.

Но оказалось, что она хочет именно горные лыжи. Да и отец обещал подъехать на какой-нибудь из уик-эндов. Тем более что без интеллектуальных скандалчиков с Марком Инка начинает чахнуть, а ее ленивая ненависть к Ольгиному мужу нуждается в калорийном трехразовом питании.

Вот почему они летят втроем...

Тот еще будет отдых!...

«...Через десять минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города... Просьба пристегнуть ремни...»

Слава богу, через десять минут самолеты закончатся и начнутся горы. Ровно две недели вдали от Москвы, но с тем же неизменным составом балагана.

Марк взял Ольгу за руку, тихонько сжал пальцы. Ольга ответила ему таким же тихим и нежным пожатием. Как же ему идет обручальное кольцо! Ей, впрочем, тоже. Нужно признать, что этот брак украсил их обоих.

– Как называется эскимосский приют, куда ты нас тащишь? – спросила Инка.

– Кажется, «Роза ветров». – Марк по-прежнему не выпускал руку Ольги.

– Название воспринимается так же свежо, как бумажные цветы в заводской столовой.

– Тебя никто сюда не тянул. – Марк, как всегда, был предельно корректен. – Сама напросилась.

– Поосторожнее со мной, зятек, иначе быстро распрощаешься с должностью.

– Ты пока еще не стоишь во главе концерна, милая.

– А ты разве не знаешь, что во главе дела всегда стоит тот, кто удачно лежит в постели?

Ольга поморщилась. Инка, конечно, отпетая сука, Марк прав. Но отец с ней счастлив, это видно невооруженным взглядом. Он счастлив так, как никогда не был счастлив ни с Мананой, ни после нее. Уже за одно это стоит примириться с ее дурацкими эскападами.

Самолет тряхнуло – колеса шасси коснулись земли. Последний приступ тошноты накрыл ее с головой и сразу же прошел. Они на твердой почве, хвала создателю!

– Я обещаю тебе удивительные две недели, кара, – нежно прошептал Марк.

– Я люблю тебя, Марк.

– И я тебя, кара...

* * *

Он был совсем не похож на Марка.

Иона встречал их у сектора прилета, не сливаясь с общей массой людей. Какое все-таки странное имя, Иона! Это совсем нерусское имя неплохо поработало над его внешностью. Такие лица бывают только у отшельников и святых, подвергающихся массовой бомбардировке самых разных искушений: темные от загара скулы, почти сросшиеся черные брови, прихотливо изогнутый рот – мечта всех сочи-

нителей японских трехстиший, – и антрацитовые глаза, не пропускающие свет. На контрасте со светловолосым, светлоглазым Марком Иона выглядел демоном-искусителем, предвестником пламени Страшного суда.

Братья пожали друг другу руки и только потом неловко обнялись.

«Не очень-то вы близки, как я посмотрю», – подумала Ольга.

– Познакомься, Иона, это мои жена и теща. Вывез все святое семейство. – Марк представил женщин брату.

Иона удивленно поднял брови: на тещу ни одна из них не тянула.

– Меня зовут Инесса, – за несколько секунд Инка успела раздеть Иону и снова одеть его: взгляд, выработанный годами вольной студенческой жизни. – Поверить не могу, что вы братья.

– А что? – Ольге показалось, что Марк даже обиделся.

– Мать не та. Или ваша мать была великой грешницей?

– Не больше, чем твоя... Не обращай на нее внимания, Иона.

– Обращайте, обращайтесь. Мне это будет приятно.

– Это и есть моя теща, – подколот Марк Инку.

Иона осторожно пожал руку Ольге и Инке.

– Ну, как ты тут? – запоздало спросил Марк у брата.

– Ничего. – Иона ощупывал глазами спутниц Марка. Никаких эмоций в антрацитовых глазах. Никаких, кроме сдер-

жанного одобрения: а у тебя телки что надо, братуха Марк!

– Что с погодой?

– Неделью как из рук вон, – честно признался Иона.

– Так уж и из рук вон! – позволила себе усомниться Инка.

– Весна на носу. Лавины, – пояснил он. – Как раз позавчера две сошло. Так что вы выбрали не самое лучшее время.

– А мы их увидим, эти лавины? – Инка проявила недюжинный интерес к причудам местного климата.

– Еще как увидите! – успокоил всех Иона.

– А это не опасно?

– Как сказать... Пять дней назад один парень не вернулся.

Ничего себе – визитная карточка фешенебельного курорта! Но Марк уже перехватил инициативу у своего брата, с простодушным видом рассказывающего страшилки. Он обнял за плечи и свою жену Ольгу, и своего классового врага Инессу:

– Не волнуйтесь, леди, вы под защитой флота Ее величества!

Инка хмыкнула:

– Да никто и не волнуется. Экстремальные ситуации – это всегда пикантно. Ты не находишь, Лелишна?

– Для кого как. – Ольга пожала плечами. – Во всяком случае, это не то жизнеутверждающее начало, которого я ожидала.

Мужчины отправились за багажом, Ольга и Инка остались одни.

– Ну и как тебе этот феноменальный брат? Не знаю, как с мозгами – наверняка их не больше, чем у фаршированной щуки... Но body³ просто зашибись. – Высказав одобрение племенному жеребцу Ионе, Инка из-под опущенных век зорко оглядела мужскую кавалерию, пасущуюся неподалеку. Уланы и драгуны в полной боевой выкладке бросали плотоядные взоры на их живописную группу. Ничего не поделаешь, Инка обречена на почетный эскорт.

Один из парней решил попытаться счастья. Очень симпатичный, нужно сказать.

– Вы не в «Розу ветров», девочки?

– Спасибо, у нас уже есть инструктора, – снисходительно отбрила его Инка и снова обратилась к Ольге: – Так как тебе родственничек?

– По определению. – Ольга вдруг начала томиться в этом маленьком аэропорту. Так было всегда, когда Марк покидал ее.

– По определению хорош, я так понимаю. Родная кровь.

– Именно.

– Ты смотри, сколько самцов понаехало! Замучаемся отгонять!.. Если, конечно, твой благоверный не вызовет их всех на дуэль на лыжных палках.

– Зря мы сюда приехали, – неожиданно сказала Ольга.

– А по-моему, все начинается неплохо... Господи, только этого не хватало!

---

³ Body – тело (англ.).

Последняя реплика Инки относилась к пестрому табору цыган, расположившемуся в ближнем углу зала у чахлой пальмы и под таким же чахлым плакатом еще советских времен: «ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА!» Крошечный цыганенок уже давно безнаказанно вертелся вокруг Инки и Ольги; он даже позволил себе роскошь залезть в Инкину дорожную сумку, стоящую у ног. И тотчас был схвачен за руку, вернее, за ухо. Теперь Инка со сладострастием крутила чумазое цыганское ухо, а сам его обладатель с не меньшим сладострастием вопил:

– Отпусти, отпусти меня, ты, сволочь!

– За сволочь ответишь, паршивец!

– Отпусти его, Инка, – сказала Ольга, но вовсе не из человеколюбия. Она терпеть не могла цыган.

– Ни за что! – сказала Инка, но ухо все же выпустила. – Теперь придется искать санэпидстанцию...

К ним уже спешила цыганка, и многочисленные юбки развевались за ней, как крылья. Но наскок цыганки оказался на удивление мягок.

– Зачем так, девушка? Зачем ребенка бьешь? – сказала она Инке, глядя почему-то на Ольгу.

– Затем, что он вор, – брезгливо ответила Инка.

– А ты его за руку поймала? Нехорошо живешь, всех подозреваешь.

– Не твое дело.

– Не мое, – легко согласилась цыганка и еще ближе при-

двинулась к Ольге. – Давай погадаю, красавица!

Ольга сморщилась, как от зубной боли, сунула руку в карман куртки и незаметно опустила в карман золотое кольцо с крошечными изумрудами – подарок Марка на Валентинов день, они отпраздновали его в каком-то ночном клубе, страшно напились и были счастливы.

Подальше положишь – поближе возьмешь, тем более что сама Ольга обладала просто феноменальной способностью притягивать цыган и один раз уже поплатилась – уже другим кольцом: настоящий сапфир, чуть потускневший от времени, фамильная драгоценность, единственная память о Манане.

Это бездарно прохлопанное кольцо до сих пор терзало сердце Ольги.

– Гони ее в шею, – тихо посоветовала Инка.

Но взгляд цыганки уже парализовал волю Ольги. А ее ловкие обезьяньи пальцы в цыпках ухватились за Ольгину руку.

– Зачем кольцо сняла? – мягко попеняла она Ольге, так мягко, что та устыдилась. – Думаешь, украду твои изумруды?

– Конечно, украдешь, куда же ты денешься! – заметила Инка, с интересом наблюдая за манипуляциями цыганки.

А та уже перевернула руку Ольги ладонью вверх, заглянула в нее, как заглядывают в бездну, и сразу же отшатнулась.

– Плохая рука, сладкая моя, ай, плохая рука... Больная рука. Уезжай отсюда. Уезжай, пока не поздно. Прямо сейчас

и уезжай. Иначе умрешь, девушка. Умрешь и всех за собой потащишь...

Сказав это, цыганка выпустила руку Ольги – так быстро, как будто невинные линии на ладони жгли ей пальцы. Окликнув маленького воришку, цыганка заспешила к своему табору, несколько раз оглянувшись на Ольгу.

– Что эта дура тебе надудела, Лелишна? – обеспокоенно спросила Инка. Пожалуй, такого беспокойства о судьбе подруги она не проявляла никогда. – Бред какой-то! И ты тоже хороша, уши развесила. Я всегда говорила, что этих грязных тварей нужно держать на расстоянии пистолетного выстрела. Я просто тебе удивляюсь!

Но Ольга не слышала того, что говорила ей Инка: чертова цыганка, так испортить ей настроение накануне двухнедельного отдыха с любимым человеком – единственного в году! Нет, она не боялась всех этих предсказаний, она их в грош не ставила, и все же, все же...

На Ольгу было жалко смотреть: слезы уже готовы были брызнуть с ее ресниц. Даже Инка ничем не могла ей помочь.

– Нет, ну надо же! – негодовала Инка. – Вот тварь базарная! Так изгадить оптимистическое начало! Ладно, не бери дурного в голову, а инородных тел в рот, как любила шутить одна моя знакомая проститутка с Тверской. И мужики куда-то запропастились: когда они нужны, их всегда днем с огнем не найдешь!..

Действительно, куда делся Марк? Ольга даже почувство-

вала легкое раздражение: это чувство в приложении к Марку было совершенно новым, и Ольга тотчас же устыдилась его.

– Ничего, ничего. Все в порядке. – Она потерла лицо ладонями и тут же отвела их. Что заключено в этих линиях на ладони, что так испугало в них цыганку? Нужно поскорее забыть все то, что она сказала, иначе начнешь анализировать и будешь есть себя поедом. Ничего не значащая мстительная речь, не стоит обращать на это внимание... Вот только что-то по-настоящему ужаснуло Ольгу: как будто она заглянула в зеркало и отпрянула, увидев нечто такое, чего не должна была видеть. Черт возьми, нужно забыть об этом раньше, чем...

Раньше, чем что? Вкрадчивые слова цыганки не отпускали Ольгу.

Куда делся Марк, черт возьми?! Он придет, обнимет ее, и все встанет на свои места.

...Марк и Иона, груженные багажом, вернулись только через полчаса. Ничего противоестественного, нужно же братьям, не видевшим друг друга много лет, поговорить друг с другом. Марк сразу понял, что что-то произошло: в отношении своей жены он обладал фантастической интуицией.

– Что случилось, кара? Ты расстроена?

– Все в порядке. – Ольга облегченно вздохнула и сжала локоть Марка. Действительно, все в порядке, о какой смерти может идти речь, если она собирается жить с Марком долго-долго? И счастливо.

– Ты очень бледная.

– Еще успеет загореть. – Инка уже взяла себя в руки. При появлении Марка досаду и беспокойство с ее лица как ветром сдуло. Осталась только обычная униформа: здоровый цинизм.

– Нет, правда? – Он не успокоится, пока не успокоится она.

– Какая-то кретинка в монисто и стеклянных бусах предсказала ей вселенскую катастрофу. – И здесь Инка вылезла первой со своими разъяснениями. И слава богу – в ее интерпретации это выглядело совсем не страшно и даже забавно.

– Вот как? – Марк внимательно смотрел на Ольгу.

– Не обращай внимания, милый, у меня всегда были проблемы с этническими меньшинствами.

– Тогда пойдемте. Нам нужно добраться до места до наступления темноты. – Марк решил не вдаваться в подробности. Он всегда скептически относился к разного рода предсказаниям.

Их стройная кавалькада двинулась к выходу.

У самой двери Ольга не выдержала и обернулась.

Цыганка пристально смотрела на нее из своего угла за чахлой пальмой. Она стояла чуть в стороне от всего табора. И ее горящие неистовым светом глаза показались такими знакомыми, что Ольга едва не потеряла сознание.

Это были почти забытые глаза ее матери.

Мананы.

«Уезжай, – говорили они. – Уезжай, беги отсюда, иначе ты

умрешь... Уезжай!»

* * *

Путь в «Розу ветров» занял четыре часа.

Иона неплохо управлялся со своей «Нивой», больше похожей на вездеход. Инка заняла место рядом с водителем, Марк и Ольга устроились на заднем сиденье. Несколько раз Ольга засыпала и просыпалась, а Марк так и не убрал руку с ее плеча. И как только она не затекает, сонно удивлялась Ольга. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: Марк всегда был терпелив, так же, как и туркменские змеи, среди которых он вырос.

Инка, глазевшая в окна на горный пейзаж, с наступлением ранних сумерек заскучала. И перенесла все свое внимание на ненавистного зятя. И его простодушного братца. Но разговорить Иону ей не удалось – единичный прискорбный случай в карьере штатной обольстительницы.

– Ну-ка, Иона, расскажите-ка про ваше дворянское гнездо, – приставала она к Ионе.

– Я горноспасатель, а не гид...

– И все-таки... Вы же заинтересованы в клиентуре...

– Лично я – нет. Лишняя головная боль. Вечно с вами что-нибудь случается.

– Вы имеете в виду пропавшего парня. Его так и не нашли?

– Нет.

– Очень интересно. – Инку всегда умиляли чьи-то трагические истории. Ольга сильно подозревала, что, состарившись, ее подруга заведет анатомический театр, где экспонатами будут служить жертвы несчастных случаев.

– Куда уж интереснее. Вся турбаза на рогах.

– Турбаза? – Инка вопросительно вскинула брови. – Марик, душка, ты же обещал нам горнолыжный курорт мирового класса.

– А он и есть мирового, – вступился за брата Иона. – Не разочаруетесь.

Он посмотрел в зеркальце, и Ольга увидела его глаза – совсем рядом. Что-то в них было... Что-то такое, что заставило ее крепче прижаться к Марку.

– У тебя молчаливая жена, – сказал наконец Иона, сам не отличающийся разговорчивостью.

– Зато теща молотит за двоих, – Марк не удержался, нагнулся вперед и потрепал коротко стриженный затылок Инки. – Правда, дорогуша?

– Святая правда, – легко согласилась Инка. – А дансинг у вас есть?

– Чего? – удивился Иона.

– Марик, душка, твой братец тебя компрометирует. Дансинг – в смысле танцульки под баян.

– Этого добра навалом. – Глаза Ионы в зеркале все еще не отпускали Ольгу. – Ресторан и два бара, а в ресторане еще

струнный квартет для особо продвинутых.

– Отлично, – Инка хихикнула. – Иона, приглашаю вас на белый танец сегодня же вечером.

– Сегодня не получится. Будем искать его, пока не найдем.

– Несчастную жертву оползня? – веселилась Инка.

– Я на вашем месте попридержал бы язык, Инесса, – только теперь Иона нашел нужным нелицеприятно высказаться. – Горы все слышат. И за подобные высказывания можно поплатиться.

– Да ладно вам. – Инка примирительно коснулась его плеча. – Лучше расскажите, что еще нас ждет. И что день грядущий нам готовит.

– Думаю, кроме баров, ресторана и этого вашего... дансинга... вас больше ничего не интересует.

– Вы еще забыли струнный квартет, Иона.

– Извините.

– И все-таки?

– Три подъемника. Фуникулер. Пять спусков. Одна очень хорошая трасса – для новичков. Вы ведь новички, как я понимаю. Об экстремальных вариантах типа сноуборда я не упоминаю.

– И напрасно, – наконец Марк получил возможность раскрыться во всей своей красе. – Как насчет карвинга⁴?

– Ого! – Иона присвистнул. – Ты даже это знаешь? Есть у нас тут любители... Но думаю, твои женщины тебе компании

---

⁴ Карвинг – особая техника катания на лыжах резаными поворотами.

не составят.

– Отчего же, – улыбнулась Инка. – Если этот благородный человеческий материал попадет в руки толкового инструктора...

– Я не инструктор.

– Я не имею в виду вас.

Иона обернулся к брату.

– Похоже, у твоего тестя много проблем с такой женой.

– Что вы, милый Иона, я как жена Цезаря: вне подозрений.

Так что за свою девственность можете не опасаться.

– Постараюсь.

Из-за крутого поворота показались огни – маленький городок в самом сердце гор и ледников выглядел просто феерически. Целый комплекс зданий, трехэтажная гостиница из стекла и маленькие коттеджи по периметру, все в духе Швейцарских Альп. Даже небо над ними казалось ярко освещенным. Никто не был готов к такому великолепию.

– Где мы? – наконец спросила притихшая Инесса.

– Не в Австрии, это точно. – Иона казался довольным произведенным эффектом.

– Кара, – Марк и здесь нашел повод, чтобы поцеловать Ольгу, – бросаем Москву к чертовой матери и отправляемся сюда на вечное поселение.

– Я согласна, – просто сказала Ольга.

– Ну что ж, добро пожаловать в «Розу ветров». – Иона надавил на клаксон, и автомобиль издал радостный рык. – И

приятного отдыха.

Зрачки его глаз в зеркальце, полдороги взрезавшие лицо Ольги как будто ножом, сверкнули неожиданной нежностью.

* * *

Еще в Москве перед самой поездкой Марк зарезервировал за собой коттедж из двух комнат: крайний в ряду, но именно из него открывался самый лучший вид на горы. Конечно, можно было ограничиться номером люкс в гостинице, как это сделала Инесса, но Марк отмел эту идею сразу.

– Все гостиницы похожи друг на друга, кара, – сказал он Ольге.

– Даже пятизвездочные?

– Пятизвездочные особенно. Камин и деревянный пол – совсем другое дело.

Только теперь Ольга по достоинству оценила романтический пафос Марка.

У портье – хорошенького молодого парнишки с грустной физиономией – они получили ключи от коттеджа. Парнишка оказался вежлив: он всеми силами пытался соответствовать мировым стандартам.

– Добро пожаловать в «Розу ветров». – Он профессионально улыбнулся, обнажив розовые десны. – И приятного отдыха.

– Похоже, фраза «Добро пожаловать и приятного отды-

ха» является здесь стойким идиоматическим выражением, – заметила Инесса. – Моя фамилия Шмаринова, номер люкс, пожалуйста.

Ольга вздрогнула: она никак не могла привыкнуть к тому, что теперь уже Инка носит ее собственную девичью фамилию. Сама Ольга после свадьбы взяла фамилию мужа. Ольга Красинская, звучит совсем неплохо и еще больше приближает ее к Марку. Мечта идиотки – быть совсем рядом, подойти так близко, как только возможно...

– Да-да, – портье протянул Инке ключ, – номер двенадцать, вас проводят.

– Сама дотащусь. – Инка с сомнением оглядела окружающего поблизости сытенького боя в униформе. На его лице была написана непреходящая, почти извращенная страсть к чаевым.

– Как хотите, – портье сразу сник.

– Ты ведь поможешь мне, Марк, душка?

– Куда ж я денусь...

Ольга и груженный чемоданами Марк направились следом за Инкой.

Ее номер оказался на третьем этаже: шикарные апартаменты для медового месяца четы престарелых альпинистов-разрядников, за плечами которых неудачная попытка покорения пика Коммунизма.

– Неплохо, неплохо, – сдержанно оценила свое новое пристанище Инка. – Даже махровые халаты в ассортименте. Ду-

маю, Игорь останется доволен.

Отец обещал подъехать на пару дней – по возможности, – хотя Ольга относилась к этим его порывам скептически: работа прежде всего. Правда, в последнее время Игорь Анатольевич стал меняться, он и недели не мог прожить без своей жены.

– Ну, идите, дети мои, – благословила их Инка, плюхнувшись с ногами на шелковое покрывало кровати. – Встречаемся через полтора часа в местном баре.

– Лучше через два, – осторожно заметил Марк.

– Марк, душка, ты просто сексуальный маньяк. Надеюсь, этих двух часов вам хватит на все?

– Инка! – поморщилась Ольга. – Хоть сейчас оставь свои намеки.

– Отчего же? Горы располагают к разнузданному сексу. Не смею задерживать последних пылко влюбленных.

– А на чай? – Кажется, Марк и не думал уходить.

– Что значит – «на чай»? – искренне удивилась Инка.

– Я же допер все твоё барахло!

Барахла действительно было предостаточно: казалось, Инка привезла в эту горную тмутаракань весь свой гардероб, включая вечерние платья для приемов в московской мэрии. Одних только горнолыжных костюмов было три пары, не говоря уже о массе хорошеньких, по-женски легкомысленных аксессуаров.

– Бог подаст, зятек. Не убивай старуху своими меркан-

тильными притязаниями. Жду вас через два часа. Форма одежды – парадная...

Через пятнадцать минут они уже были в своем коттедже.

Марк тотчас же занялся вещами: две дорожные сумки, два чемодана на колесиках, привезенные Марком из Киля, куда он летал по поручению отца, и довольно внушительный «дипломат» с документами, который Марк всегда закрывал на кодовый замок: привычка, выработанная годами работы в концерне. Все документы должны быть в безопасности. Ольгу умиляла эта почти пародийная боязнь промышленного шпионажа...

Ольга стояла возле широкого – во всю стену – окна и не могла отвести взгляда от сказочного великолепия безмолвного синеватого снега и почти черного неба в обрамлении высоких сосен. Она напрочь позабыла о дурацкой сцене в аэропорту, ее сердце учащенно билось – щегол в клетке, да и только. Марк, только что зажегший огонь в камине, тихонько подошел сзади и осторожно обнял жену за плечи.

– Нравится? – выдохнул он, спрятав лицо в ее волосах.

– Просто сказка, милый! Лучше и придумать невозможно.

– Я люблю тебя.

Ольга рассмеялась и повернулась к нему.

– Знаешь, сколько раз ты говорил мне это?

– Не знаю, – он насторожился. – Ты разве считала?

– Первое время – да...

– И как?

– Сбилась на второй тысяче.

– Неужели я так болтлив? Нужно серьезно заняться собой.

Служащие моего ранга должны уметь держать язык за зубами.

– Я так счастлива, Марк!

– Надеюсь, что даже эта стерва Инка ничего нам не испортит.

– Не нужно, Марк. Она все-таки моя лучшая подруга.

– Добавь еще, что она жена твоего отца.

– Это запретная тема... Ты же видишь, с ней он даже помолодел.

– Я всегда говорил, что твой отец – удивительный человек. Держать в узде эту кобылицу потяжелее будет, чем концерном управлять.

– Хорошего же ты мнения о женщинах! – Ольга потрепала Марка по светлым мягким волосам.

– Не обо всех... Идем...

Она знала, что последует за этим: должно быть, отблески огня из камина будут хорошо смотреться на его теле – загорелом (солярий каждый понедельник, с восьми до полудеятого вечера) и хорошо тренированном (тренажерный зал два раза в неделю, вторник и пятница, с семи до восьми утра). Ольге всегда нравился запах его волос: в страсти этот запах приобретал сухой ванильный оттенок. Марк никогда не потел во время любви. Однажды, после бутылки коньяка, распитой на пару, Ольга имела неосторожность поделиться этим

невинным наблюдением с Инкой.

– Я всегда говорила, что твой Марк – обыкновенная провинциальная шлюха, – подвела неожиданный итог она.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Ольга.

– Только шлюхи не потеют, когда трахаются.

– Ты думаешь?

– Моя старинная подруга, проститутка с Тверской, считает именно так. Шлюхи всегда остаются сухими, потому что на клиента им плевать, во время акта они заняты подсчетом денег и другими радостными мыслями...

– И что из этого следует?

– Только то, что не существует настоящей любви без, пардон, физических выделений. На твоём месте я бы сильно задумалась о природе его настоящих чувств к тебе, Лелишна...

Больше они на эту тему не заговаривали. Но дурацкая тирада Инки колом засела в Ольгиной голове. Она даже как-то спросила об этом Марка, очень ненавязчиво. Он смутился, но лишь на секунду. А потом рассмеялся и поцеловал Ольгу в голую грудь. Это был самый долгий и самый нежный поцелуй из тех, что он ей дарил.

– Я ведь слишком южный человек, кара. Я вырос там, где нет даже намека на воду. Сухой климат меня основательно подпортил, прости...

...А теперь он стоял позади Ольги и искушал ее каминным огнем, глазами, исполненными так знакомой ей страсти, напряженно сведенными руками.

– Пойдем, кара, – снова шепнул он.

Ольга всегда оттягивала момент соития – оттягивала настолько, насколько вообще его можно было оттянуть. Иногда ее хватало на несколько минут, иногда брачные игры затягивались, но то, что следовало за ними, было всегда одним и тем же: сумасшедшая, хотя и немного прагматичная страсть, всегда остающаяся чуть-чуть неутоленной. Ольге всегда хотелось соответствовать этой страсти – и именно в этом заключался прагматизм. Колодец невозможно вычерпать до дна, Ольга свято в это верила. Даже после двух с половиной лет супружеской жизни.

– Ты знаешь, чего я боюсь больше всего, кара?

Они только что оторвались друг от друга, Марк поглаживал ее плоский живот и задумчиво смотрел на огонь.

– Что, когда я рожу тебе сына, у меня отвиснет грудь...

– Что ты! – Он тихонько засмеялся. – Я буду любить тебя любой... Нет, я совсем не то хотел сказать. Больше всего я боюсь, что ты когда-нибудь бросишь меня... Что однажды я стану ненужным тебе, покажусь тебе неинтересным, пресным...

Ольга положила пальцы ему на губы.

– Замолчи, пожалуйста... Я никогда тебя не разлюблю.

– Это меньше всего зависит от тебя, кара... В любви вообще ничего не зависит от нас самих.

Марк сжал ее в объятиях: прикосновения его сухого жесткого тела всегда сводили ее с ума, но теперь к страсти при-

бавилась тихая нежность. Это было совершенно новое ощущение, и несколько минут Ольга лежала, прислушиваясь к нему. А потом Марк встал, вышел в другую комнату и вернулся с двумя бокалами шампанского.

– За нас. И за наши горы, – сказал он, протягивая ей бокал.

Они выпили, и Ольга слегка поморщилась:

– Какой странный у него привкус.

– Да? – удивился Марк. – А по-моему, самый обычный...

Ты просто давно не пила шампанского, кара...

– Может быть, – задумчиво сказала Ольга и отставила бокал. – Расскажи мне о своем брате.

– Он тебя заинтересовал, да?

– Человек с именем Иона не может не интересоваться.

– Я так и знал, – Марк нахмурился.

– Это совсем не то, что ты думаешь.

– Вообще-то это имя должно было принадлежать мне. Ты знаешь, я всегда завидовал ему, я даже как-то раз устроил матери скандал: почему Ионой назвали этого сопляка, эту головешку, а не меня.

– И что она тебе сказала?

– Ты не поверишь! Если хотите, можете поменяться. Если, конечно, Иона согласится.

– Он не согласился.

– Он послал меня подальше со всеми моими притязаниями. Он уже тогда понимал, что это имя действует на девушек как красная тряпка на быка. Даже если они живут в затра-

пезной Туркмении.

– Он был недалеко от истины.

– Еще бы! С таким именем никому и в голову не придет клеить шлюх и бегать за дешевыми индийскими презервативами в дежурную аптеку. Только возвышенные чувства и лепестки роз на подушке в первую брачную ночь.

– Очень романтично.

– Так же романтично, как и неправдоподобно.

– Он бабник? И покупает дешевые индийские презервативы?

– Понятия не имею...

– Но теперь-то ты не жалеешь об этом имени?

– Нисколько. Если бы меня звали Иона, я прожил бы совсем другую жизнь, стал бы работать спасателем в этом райском медвежьем углу и никогда не встретил бы тебя...

Часы на руке Марка запищали какой-то давно забытый колониальный гимн. Оба они – и Марк, и Ольга – вздрогнули. Ольга перехватила руку Марка и поднесла к глазам светящийся циферблат.

– Господи, два часа уже прошли!

– Неужели?

– Инка нас по стене размажет, милый. Не нужно давать ей повод.

– Да черт с ней.

– И все-таки, ты зачем-то поставил часы? – Что-то не очень приятное, даже постыдное, шевельнулось в ее душе.

«Похоже, это банальная ревность, кара», – сказал бы Марк.

Но Марк ничего не сказал. Он сел на кровати и рассмеялся.

– Сдаюсь-сдаюсь. Просто не хочу оставлять эту стерву одну среди праздных придурков, готовых поднять все, что угодно. Даже лыжные крепления...

– Ты и этого не исключаешь?

– Конечно. Курорт и война все спишут.

– Ну и что?

– Да ничего... Если бы ее мужем был кто-то другой – мне было бы совершенно наплевать. Но она жена моего босса. Я должен позаботиться о его репутации.

– Интересно, каким образом? Будешь следить за ней?

– Следить – нет, но присматривать – да.

Ольга невольно улыбнулась. Ситуация, при которой кто бы то ни было присматривает за неприлично красивой Инкой, умилила ее. Но Марк! Похоже, он всегда будет стоять на страже их семейных интересов... Пусть даже таким экзотическим способом. Удивительная средневековая непрошибаемость, к тому же еще с налетом мусульманского кодекса чести. И как только все это уживается в одном из просвещенных руководителей нефтяного концерна?..

– Кстати, по поводу присматривать... Сейчас проверим донесения с фронтов. – Он открыл ноутбук, чтобы проверить электронную почту.

Ноутбук – это была первая вещь, которую он вытащил

из чемодана, когда они принялись разбирать вещи. Марк не расставался со своим компьютером, иногда Ольга даже шутила по этому поводу:

– Если ты и дальше будешь проводить за ним столько времени, то придется усыновить эту чертову машинку и прописать ее в квартире.

– Ты не понимаешь, кара. Это моя работа, мои глаза и уши...

Вот и сейчас он связался с ближайшим провайдером, работавшим через спутник, – его координаты были уточнены еще в Москве, и сразу же установил электронную почту.

– Ну, как? – спросила Ольга.

– Как у Ремарка. Без перемен, – Марк нахмурился.

– Ты ждешь какого-то сообщения?

– В общем, да. Это касается проработки сделок с... Ладно, не буду загружать тебя своими проблемами.

– Марк! Ты же обещал мне, что мы едем отдыхать. Никакой работы...

– Я и не работаю... Но, как один из руководителей фирмы, должен всегда держать руку на пульсе. От этого зависит наше с тобой благосостояние, кара. Ты же не хочешь, чтобы мы пошли по миру и наши будущие дети учились в муниципальной школе?

– Господи, но я же училась в муниципальной школе... И ничего, выросла хорошим человеком. Ты как думаешь?

– Думаю, что ты умница.

...Спасатели занимали маленький дом на самой окраине «Розы ветров».

Кроме Ионы, их было еще четверо: томный красавец-черкес Ахмет, Юрик Серянов, Вася Сикачинский и Влад.

Идейным спасателем был только Влад, он с ума сходил по жертвам лавин, на его счету – в особо урожайные годы – числилось до десятка спасенных. Редких погибших – всех этих доморощенных альпинистов и слаломистов-недотеп, упакованных в «Fischer», – Влад не считал. И к тому же ненавидел их лютой ненавистью: все они были бельмом на глазу, не дождались помощи и позволили себе наглость подохнуть в самый неподходящий момент. И тем не менее именно их он искал с особым рвением. Конечно, горы, как и море, не всегда отдавали свою добычу, и тогда Влад просто сатанел. Он и представить себе не мог, что кто-то может переиграть его. Будучи в хорошем настроении, Влад откликался на громоздкую кличку Помощь Идет, которая была придумана Васей Сикачинским, адептом Джека Лондона и детских «Морских рассказов» Бориса Житкова.

Сам Вася и примкнувший к нему Юрик Серянов зализывали в горах раны, нанесенные неразделенной любовью. Возлюбленная Васи покинула его в городе-герое Киеве. Точно так же поступила и пассия Юрика, и ныне проживающая в

райцентре Бутурлиновка Воронежской области. Несчастливая любовь в свое время толкнула Васю и Юрика на самоубийство: Юрик вешался, а Вася пытался вскрыть себе вены. После неудачных попыток свести счеты с жизнью Юрик и Вася уехали в горы, справедливо полагая, что лучший способ спастись самим – это спасти других.

В «Розе ветров» они и встретились. Более общительный Вася по совместительству подвизался на должности инструктора, а мрачный нелюдимый Юрик пристроился к снежной пушке и ратраку⁵. Кроме того, Юрик отвечал за собак-спасателей: два сенбернара, один зенненхунд и дворняга Джек, славившийся поразительным нюхом.

Достоинства собак уже были воспеты Васей, который все свое свободное время убивал на сочинение лихих криминальных романов. Вася самым окаянным образом верил, что стоит только ему попасть в поле зрения мало-мальски приличного издательства, как все его сочинения станут бестселлерами, а сам он стяжает лавры российского короля «pulp fiction»⁶. Графоманство Васи не знало границ, он насиловал свой старенький «Ундервуд» денно и ночью и почти всю свою зарплату тратил на бумагу и ленты для пишущей машинки. Раз в месяц кто-то из уезжающих в город увозил из «Розы ветров» очередную пухлую рукопись; иногда (если Васе удавалось обаять кого-нибудь из зазевавшихся тури-

---

⁵ Ратрак – машина для утрамбовывания снега.

⁶ Pulp fiction – здесь: бульварная литература, чтиво (англ.).

стов) рукописи, минуя местную почту, летели прямо в Москву (или Питер, в зависимости от места жительства пойманного на крючок туриста). Но вероломные издательства молчали, а Вася все совершенствовал и совершенствовал свои истории. В этих историях почему зря лились реки крови, все подозревали всех, в то время как убийцу можно было вычислить сразу же, стоило ему только появиться на страницах рукописи... Все Васины убийцы курили дешевые кубинские сигареты «Портогас», обожали заколки для галстуков и запонки (на этом Вася особенно настаивал), собирали энтомологические коллекции (в основном состоящие из пауков самого устрашающего вида), читали Бодлера в подлиннике и обожали классическую музыку. Вася считал, что именно это придает его детективам интеллектуальный шарм. И когда-нибудь кто-то обязательно их оценит.

Легкомысленный черкес Ахмет почти все время проводил на трассах и у подъемников: он обожал пугливых северянок и соблазнял их пачками. Сине-голубой снег и смуглое лицо черкеса являли собой классический пример единства и борьбы противоположностей и действовали на слабый пол безотказно. Пользы от Ахмета было как от козла молока, он даже не ездил на тренировочные сборы спасателей, которые проводились два раза в год. Только однажды он снизошел до них и то по самой смешной причине: триппер, подцепленный где-то в расщелине между трассами, на некоторое время выбил его из когорты активно практикующих самцов.

Вася Сикачинский называл Ахмета «играющим тренером».

Но сейчас даже «играющий тренер» на время отошел от своих девочек. Последние пять дней спасатели прочесывали окрестности в поисках пропавшего после схода двух лавин постояльца «Розы ветров».

Постояльца звали Кириллом. Он был конченным донжуаном, все вечера торчал в кегельбане и за неделю пребывания на курорте успел соблазнить нескольких женщин и даже подраться с Ахметом из-за одной из них. Победа и женщина оказались на стороне Кирилла, а Ахмет подобных вещей не прощал. Как не прощал всего, что могло задеть его самолюбие.

В помощь пяти спасателям и их собакам были брошены все имеющиеся в резерве силы – спасатели с других баз, волонтеры из числа любителей острых ощущений и даже вертолет. Но поиски никаких результатов не дали. Не помогло даже специальное оборудование, способное зафиксировать присутствие тела на глубине до десяти метров. Собаки, казалось, тоже объявили забастовку. Они возвращались на базу с поджатыми хвостами – никаких достижений.

Последний раз Кирилла видели за несколько минут до схода первой лавины: на заброшенной трассе для фристайла к западу от «Розы ветров». Трасса, и без того никем не востребованная, была безнадежно загублена первой, а потом и второй лавиной. Какая-то из верных поклонниц Ки-

рилла, издали благоговейно наблюдающая за его рискованными экзерсисами на сноуборде, даже утверждала, что заметила рядом с ним еще одного горнолыжника: «Я не могла ошибиться, тогда еще пошел снег и были низкие облака, вы же помните... Тот, другой, стоял рядом с ним, они разговаривали о чем-то. Кирилл был в шлеме, знаете, у него такой синий шлем. С надписью «Freeride»... А тот, второй, – он был без ничего, так и стоял с непокрытой головой. Как же все это ужасно, боже мой...» Впрочем, словам экзальтированной дамочки особо доверять не стали. Во-первых, опрос всех постояльцев и obsługi «Розы ветров» ничего не дал – все они оказались на месте и никто, кроме Кирилла, даже и не думал исчезать. А предположение, что лавина, задев одного, пощадит другого, тем более рядом стоящего, казалось уж совсем невероятным. И поклонницу Кирилла вместе с ее показаниями послали подальше; к тому же выяснилось, что, кроме любви к пропавшему парню, она страдает еще и астigmatизмом.

– Зенки ни к черту, а туда же, путает нам все карты, стерва, – беззлобно проехался по поводу незадачливой свидетельницы Вася Сикачинский. Он был приятелем и добровольным помощником отставного майора ФСБ Звягинцева, исполняющего в «Розе ветров» обязанности секьюрити, и потому получил право присутствовать на допросах возможных свидетелей. Кроме того, Звягинцев был единственным, кто относился к беллетристическим потугам Васи Сикачин-

ского с известной долей почтения.

Зануда Звягинцев назвал допрос единственной свидетельницы сбором оперативной информации. Но сбор оперативной информации ничего не дал, как ничего не дал бы сбор лекарственных трав в декабре.

Никто не видел Кирилла после обеда, когда было получено первое штормовое предупреждение о возможном сходе лавины. Подобные малоприятные сообщения переживали в кегельбане, за ресторанным столиком и в прочих увеселительных местах «Розы ветров». Все видели друг друга и могли подтвердить свое присутствие в том или ином месте: алиби, если вообще речь шла об алиби, – было всеобщим.

Впрочем, сбор оперативной информации и опрос свидетелей относились к третьему дню поисков, когда то, что еще совсем недавно, до схода лавин, называлось трассой для фристайла, было обследовано сантиметр за сантиметром. Район поисков был обозначен показаниями влюбленной астигматички, но потом, когда выяснилось, что они и гроша ломаного не стоят, его было решено расширить. И привлечь к поискам спасателей с других баз.

Пятидневные поиски привели к тем же плачевным результатам.

К тому же на пятый день выяснилась еще одна странная подробность: из номера, который занимал Кирилл, исчез его несессер. Об этом сообщила Звягинцеву горничная, ежедневно убиравшая номер. Вася Сикачинский, развив-

ший бурную деятельность частного детектива, утверждал, что чертов Кирилл успел охмурить и горничную и даже переспать с ней. Иначе откуда такое болезненное внимание к вещам пропавшего и точное описание того, что было в несессере: бритвенный прибор, парочка дорогих одеколонов (она даже назвала один из них – «Кензо») и прочая мужская косметическая лабуда.

Но Звягинцев, всю неделю страдавший от ревматических болей в пояснице (во время визита горничной они оказались особенно невыносимыми), терпеливо выслушал ее, а потом послал подальше. В этом была своя логика: погибшему (а теперь, спустя пять дней, никто не сомневался, что Кирилл Поздняков погиб) глубоко плевать, лежит ли в номере его несессер или нет. Тем более эта бессмысленная кража бросит тень на постояльцев «Розы ветров», чего страшно не хотелось Звягинцеву. Она казалась тем более глупой, что весь номер Позднякова был под завязку набит самым дорогим снаряжением, включая две крутейшие доски для сноуборда – «Flamebo» и «Sean Johnson». И последний писк горнолыжного сезона – карвинговые лыжи «Radarc». Любой из знатоков отвалил бы за эту роскошь не одну сотню долларов. Но ничего из снаряжения не пропало – ничего, кроме жалкого пристанища мужской косметики.

О злополучном несессере решено было забыть: смерть в горах выглядит гораздо благороднее, чем низменное проявление мародерства.

...Спасатели продолжали поиски скорее по инерции. Если человек не был найден сразу или тело его не было найдено сразу, то обнаружить его можно будет лишь случайно.

Может быть, спустя год кто-то из горнолыжников наткнется на замерзшее, хорошо сохранившееся тело в самом непредсказуемом месте: перспектива малоприятная, но именно так чаще всего и случается.

Вертолет, задействованный с самого начала операции, благополучно покинул «Розу ветров»: гонять его дальше было и бессмысленно, и накладно. Спасатели с соседних турбаз отправились к себе, у них и без этого хватало дел – по всем отрогам Большого Кавказа шли лавины. Не сдавался только Влад. Вернувшийся в «Розу ветров» Иона застал его собирающимся на очередное прочесывание окрестностей.

Вася Сикачинский, как обычно сидевший за своим выдавшим виды «Ундервудом», с состраданием следил за сборами Влада.

– Может быть, дождешься утра? – наконец спросил он.

Влад не удостоил его и взглядом, он пожал руку приехавшему Ионе и вышел из комнаты.

– Ему уже ничем не поможешь, зачем же задницу рвать на британский флаг?

Влад все-таки обернулся и процедил:

– Нельзя оставлять горам то, что им не принадлежит. Первое правило, ты понял?

– Есть еще и второе: выше головы не прыгнешь, если ты,

конечно, не занимаешься фристайлом. Как тебе, а?

У Влада никогда не было времени на фристайл, так что немудреную шутку Васи он не оценил. А потому ничего не ответил и вышел, громко хлопнув дверью. И Иона, и Вася слышали, как он окликнул собак.

– Хоть бы животных пожалел, скотина, – вздохнул Вася. – На них же лица нет...

– Тонко подмечено, – Иона скинул ботинки и свитер и, взяв полотенце, направился в душ.

...Вася появился в душевой тогда, когда Иона намыливал голову. Он присел на корточки, вытащил из кармана мятую сигарету и воззрился на Иону.

– Огонька не найдется? – спросил он.

– Оставь свои шутки для групповой помывки с девочками. – Иона ненавидел привычку Сикачинского появляться в самых неподходящих местах и тут же начинать действовать на нервы. – И пошел вон отсюда. Даже в душе не дают побыть одному.

– Еще успеешь в одиночестве в гробу належаться, – вяло парировал Вася. – А человек – это животное общественное.

– Дай хоть голову помыть, общественное животное!

– Ну, встретил своих?

– А что?

– Да нет, ничего. Я вот что думаю, Иона... Не нравится мне вся эта история с пропавшим парнем...

– Покажи мне человека, который был бы от нее в востор-

ге...

– Странно как-то он пропал. Было ведь предупреждение...

– Детективный зуд обуял, Василий Андреевич? Только учти, всегда находятся дураки, которые испытывают судьбу. Тут уж ничего не поделаешь.

Иона вылез из душа и прошел в раздевалку.

– Это точно. Хочу показать тебе одну вещь, Иона. Я на нее случайно наткнулся. И полдня думаю, что же это может быть.

– Неопознанный летающий объект, что ли? Или сюжет для романа? – Иона посмотрел на Васю Сикачинского с веселым состраданием: тесное общение со Звягинцевым не прошло для Васи даром.

– Ага. Что-то вроде того. Это, конечно, может ничего не значить, но вещь сама по себе любопытная. Я, во всяком случае, такого никогда не видел.

– Ладно, валяй, – Иона даже бросил вытирать волосы и пристально посмотрел на Васю. – Тащи сюда свою любопытную вещь.

– Она не здесь. Я оставил ее там, где нашел.

– Что-то такое, что не терпит отлагательств?

– Не знаю...

– Ладно, где зарыт твой клад?

– В «Каменном мешке».

«Каменным мешком» на сленге obsługi «Розы ветров»

называлось оставшееся еще с советских времен непрезентабельное хранилище инвентаря, набитое давно пережившими себя лыжами, ботинками и креплениями.

– Кой черт тебя понесло в «Каменный мешок», Василий?

– Это все Ахмет...

– А при чем здесь Ахмет?

– К нему племянник приехал на три дня... С таким же разбойным именем. Что-то вроде Саид-Гирея или Казбека. Парню тринадцать лет, жаждет удовольствий, ну и сам понимаешь... Ахметова экипировка ему не по зубам и не по росту. Так этот черкесский черт попросил меня что-нибудь подобрать для своего джигита.

– В «Каменном мешке».

– Угу. Там еще можно выбрать приличный комплект, если покопаться.

– А сам Ахмет что же не побеспокоился?

– У него адюльтер, как обычно. Какая-то нимфоманка, не терпящая пустоты в области промежности. Так что я взял шефство над малолетним секир-башкой. Ну, подобрал парня кое-что. И заодно кое-что нашел. Пойдем взглянем.

– У меня голова мокрая, – медленно сказал Иона. – Сам видишь.

– Ладно, можно попозже.

– Нет, идем сейчас.

– Как скажешь, командир.

...Спустя десять минут они уже подходили к хранилищу

инвентаря. Волосы Ионы, принципиально не носившего никаких головных уборов, покрылись ледяной коркой.

Несколько секунд провозившись с замком, Вася наконец-то открыл дверь.

– Прошу.

Хранилище представляло собой довольно жалкое зрелище, но именно с него начиналась история курорта «Роза ветров», который в прежние благословенные семидесятые и начало восьмидесятых был наводнен демократической интеллигенцией обеих столиц. А также кухонными гуру, бардами-многостаночниками, журналистами на покое и их спутницами из числа начинающих поэтесс.

Вася прошелся по узкому, освещенному тусклой лампочкой помещению и провел рукой по ребрам стоящих на вечном приколе запыленных лыж. И уверенно направился к дальнему углу хранилища. Иона последовал за ним. Присев на корточки перед сваленными в кучу лыжными палками, он тотчас же достал то, ради чего они пришли сюда.

Лыжная палка. На первый взгляд самая обыкновенная.

– Вот, смотри, – Вася протянул ее Ионе. – Как тебе такая рационализаторская деятельность?

Палка действительно оказалась с сюрпризом: ее тривиальное окончание было модифицировано. Оно было плоским и широким, с одним остро заточенным краем. Иона провел по нему рукой и тотчас же отдернул ее: на пальцах выступила кровь.

– Осторожнее, – запоздало предупредил Вася, – так можно и фаланг лишиться.

– Уже понял.

– Что скажешь, командир?

– Похоже на самодельный нож.

– Это мягко сказано! На профессионально сделанный самодельный нож. Финку, я бы сказал... Новехонькую финку, никакой коррозии.

Окончание палки и было ножом. Острым как бритва. Даже бороздка имелась, как на самом обыкновенном охотничьем ноже. Некоторое время оба спасателя разглядывали Васину неожиданную находку.

– Это еще не все, командир, – торжествующе сказал Вася. – Есть еще одна деталь, заслуживающая внимания... Посмотри-ка повыше, за кольцом...

Иона добросовестно осмотрел палку.

– Ничего не вижу.

– А, черт, света маловато. Хорошо, что фонарик взял...

Вася достал из кармана фонарик и осветил им поверхность палки. Лезвие ножа было девственно-чистым, но чуть выше виднелись бурые потеки. Их происхождение не вызвало никаких сомнений.

– Похоже на кровь, – наконец сказал Иона.

– Да не похоже, не похоже. Это и есть кровь. Я сам пил себе вены и знаю, как это выглядит на металле. Причем кровь довольно свежая.

– Ты думаешь?

– А ты – нет? Ясно, что им не архаров резали в семьдесят восьмом году на слете альпинистов-разрядников...

– Ты прямо эксперт, Василий Андреевич. И как с такими способностями ты еще не на работе в органах?

– Сам себе удивляюсь.

Иона еще раз внимательно осмотрел палку.

– Палка из «фишеровского» комплекта, к тому же одной из последних модификаций. Вещь почти новая, во всяком случае, ей не больше года. Не то что всему остальному местному хламу. – Иона скептически осмотрел помещение. – Типичные совковые лыжные раритеты. Что скажешь, Василий?

– А что тут скажешь? Надо грести куда следует. Что-то не нравятся мне эти пятна.

– Когда ты ее нашел?

– Да сегодня утром.

– Кому-нибудь сказал?

– Тебе первому.

– А Звягинцеву?

– Черта лысого! – Вася болезненно сморщился. – У него, видите ли, радикулит, он, видите ли, с койки не встает. Послал меня через дверь, а заодно и хреновы горы, – этим и ограничился. Хотя я его понимаю... Мне самому зимний пейзаж поперек горла стоит. Я – человек Карибских островов, а не этого ледникового периода.

– А кто, кроме тебя, мог взять ключ?

– Да кто угодно. Он же у портье висит. Но самое интересное, что его никто не брал. Во всяком случае, в обозримом прошлом. Я – первый.

– Сильно сказано.

– А то! Сегодня на дежурстве Серый, вчера был Иван, их же только двое, ты знаешь... И оба сказали мне, что ключом от «Каменного мешка» никто не интересовался.

– Ты и их успел достать?

– Ну. Знаешь, что я думаю? Эта сумасшедшая баба... Подружка Кирилла. Наверное, она действительно кого-то видела вместе с ним на трассе.

– И ты в это веришь? – Иона улыбнулся. – Ты же сам говорил, что она полуслепая.

– Говорил, ну и что. А если там и вправду был еще один человек...

– Не могло быть там никакого человека. Ведь никто не пропал, кроме этого Кирилла. А если они стояли рядом и разговаривали за минуту до схода лавины, то сейчас мы бы искали не одного, а двоих... Их бы накрыло сразу. Из лавины никто не выбирается, особенно дилетанты, которые в горах без году неделя.

– Которые в горах без году неделя, может быть... А что, если – не без году?

Иона улыбнулся и провел ладонью по волосам: с их кончиков стекали капли воды. Он вытер руку о куртку и почесал переносицу.

– Не без году? Похожие на тебя или меня, ты это имеешь в виду?

Вася испуганно посмотрел на него: какая-то догадка мелькнула в его суженных зрачках. Мелькнула и тут же исчезла, трусливо поджав хвост.

– Да нет же. – Он сморщился. – При чем здесь это?

– Ни при чем, согласен. Тем более что этот парень еще не найден. Вот что, Василий: сейчас мы закроем эту замшелую лавочку.

– А палка?

– Вместе с палкой. Пусть она лежит там, где лежала.

– Ты хочешь вот так все оставить?

– Именно. Тем более что все твои предположения насчет крови... Об этом может судить только специалист после тщательно проведенной экспертизы. – Значит, нужно вызвать специалиста.

– Кстати, что говорила эта гримза о якобы спутнике Кирилла? Ни шлема, ни шапки на нем не было, так?

– Примерно.

– Я тоже ненавижу все эти архитектурные излишества в области темени. Подхожу под все описания.

Иона взял в руки лыжную палку и задумчиво поднес к глазам. Нож на ее конце угрожающе сверкнул. Вася инстинктивно сделал шаг назад.

– Этот Кирилл был видным парнем. Под два метра, да?

– Примерно, – прошелестел Вася пергаментными губами:

тусклая сталь ножа гипнотизировала его.

– А у тебя какой рост?

– Что?

– Рост, Василий Андреевич, рост!

– Метр семьдесят шесть. А что?

– У меня – метр семьдесят восемь, так что мы с тобой практически одного роста. Кирилл – другое дело. Чтобы завалить такого бугая наверняка, нужно бить либо в область сердца, либо под лопатку, я так думаю. А ты?

Разговор все меньше и меньше нравился Васе, он даже отступил на шаг.

– Никак я не думаю.

– А надо бы подумать. И еще прикинуть, что два метра роста – это солидный капитал, который не часто встречается. Так что обычный человечешко типа нас с тобой всегда нанесет удар снизу вверх, оттого и потеки крови так высоко. Она стекла по палке, как по желобу... Есть возражения?

Вася сделал еще один шаг назад, споткнулся о грудку лыжных палок и, не удержав равновесия, рухнул на них. Иона мягко приблизился к нему и поднес нож к Васиной груди.

– Ты что, командир? – просипел Вася сдавленным голосом.

– А вот теперь кровь пойдет в обратном направлении, сверху вниз, и никаких следов. Нужно будет только воткнуть палку в снег. Проехать по трассе. Одного раза будет достаточно...

– Ты шутишь, что ли?

Нависшая пауза показалась Васе вечной. И только спустя несколько секунд Иона отвел нож от его груди и рассмеялся.

– Конечно, шучу. Что, испугался, брат Василий?

Вася перевел дыхание и недоверчиво хихикнул.

– А ты бы не испугался?

– Ну так как, берешь меня в соавторы?

– Еще подумаю...

– Что, так и будешь сидеть? Давай руку.

Иона помог ему подняться и поставил палку туда, откуда она была извлечена пятнадцать минут назад.

– Показательные порки устраиваешь, командир? Избиение младенцев шпицрутенами? – Вася уже пришел в себя, и к нему вернулась его обычная, чуть истерическая веселость.

– Это я к тому, комиссар, что не нужно прыгать выше головы и играть в частного детектива. Для этого всегда найдутся профессионалы, лучше нас с тобой. Тот же Звягинцев, ему по должности положено...

– Так что ты предлагаешь?

– Оставить так, как было. Мало ли, что это за палка... Может, нас вообще на смех поднимут. Звягинцеву, конечно, шепнуть стоит...

– Когда еще он оклемается!..

– Когда-нибудь оклемается. А сейчас лучше навесить замок на это дело и благополучно обо всем забыть. И никому об этом не трепаться. Мало ли на кого нарвешься. Это я та-

кой добрый.

– Это потому, что не ты этим ножичком воспользовался в свое время...

– Это станет ясно на последних страницах твоего романа, – улыбнулся Иона. – Уже начал писать, признавайся?

– А как же, командир, – еще шире улыбнулся Вася. – Утром в газете – вечером в куплете.

* * *

Бар назывался «Ричард Бах».

Для первого выхода в свет можно было ограничиться и рестораном с разрекламированным Ионой струнным квартетом, но Инка остановилась на демократичном варианте. Кроме того, в «Ричарде Бахе» был боулинг, единственный вид спорта, который признавал ее муж, Игорь Анатольевич Шмаринов. В большой теннис Игорь Анатольевич не играл из принципа, так что, если этого требовали интересы дела, на корт вместе с его потенциальными компаньонами и нужными людьми выходил Марк.

«Ричард Бах» был забит людьми под завязку. В отличие от чопорного ресторана с его коллекционными винами, здесь предпочитали плебейское пиво, текилу и соленые орешки. Инка уже успела отшить стаю загоревших самцов, когда на горизонте появились Марк и Ольга. Инка помахала им рукой.

– Опаздываете, господа, – мягко попеняла она, когда супруги заняли места за столиком. – Оставляете без присмотра хорошенькую женщину. Я, между прочим, уже могла дважды выйти замуж и по крайней мере четыре раза стать жертвой изнасилования.

– Для жертвы ты выглядишь совсем неплохо. – Марк внимательно посмотрел на Инку.

Она действительно была хороша: короткий облегающий свитер (от «Армани»), узкие джинсы (от «Хьюго Босс»), скромный макияж (от «Ив Роше»), кольцо с крошечными изумрудами (от «Тиффани»).

Колье подарил Инке Игорь Анатольевич в первую годовщину свадьбы, и она почти никогда не снимала его. Такие ошейники держат женщину в узде вернее всего, цинично утверждала Инка.

– Что будете пить, девочки? – галантно спросил Марк.

– Мне текилу, – тотчас же выскочила Инка. – А твоя целомудренная жена, я думаю, обойдется безалкогольным пивом.

– Не слушай ее, Марк. Сто грамм коньяку мне не помешает.

Марк отправился к стойке за напитками, Инка и Ольга остались вдвоем.

– Тебе привет от отца, – сказала Инка. – Я ему уже позволила. Отчиталась о проделанной нами работе.

Ольга почувствовала легкие угрызения совести: за по-

следние несколько часов она даже не вспоминала об отце, а ведь он просил держать его в курсе всех передвижений.

– Он не собирается приехать? – смущенно спросила Ольга.

– Может быть, через неделю. Покатаемся на лыжах и вернемся в Москву все вместе. Как тебе такая перспектива?

– Великолепно! Вся семья в сборе. Идиллические картины.

– Правда, твой любимый муженек делает их похожими на карикатуры...

– Инка! Я прошу тебя...

– Хорошо. Делает их похожими на дружеские шаржи. Так тебя устроит?

– Более или менее.

Вернулся Марк с подносом, уставленным стаканами, бокалами, кружками и блюдцами с легким приложением: фишашки, лимон, соленые сухарики.

– Ну, девочки, выпьем за активный отдых! По-моему, все начинается вполне удачно.

Марк отхлебнул пива и тотчас же поднял руку: в дверях бара появился Иона.

Глаза Ионы сразу же выдернули из табачного дыма столлик с родственниками. Спустя минуту он уже сидел рядом с Ольгой.

– Ну, как устроились? – спросил он ничего не выражающим голосом.

– Отлично, – ответил Марк за всех троих.

– Завтра покажу вам трассу.

– А как поиски пропавшего в лавине великомученика? –

Инка разглядывала Иону самым бесцеремонным образом.

– Ищем, – лаконично ответил Иона. – Ищем, но пока никаких результатов нет.

Инка осмотрела веселящийся зал:

– Вот оно, дыхание жизни. Кого-то похоронила лавина, но большинству на это наплевать. И в этом есть самая настоящая сермяжная правда.

– Не наплевать, девушка, не наплевать! – раздался чей-то тихий голос.

Все синхронно повернули голову к соседнему столику, за которым в тоскливом одиночестве сидела женщина лет сорока. Все пространство перед ней было уставлено маленькими бутылочками виски и пустыми пивными кружками. Было похоже, что женщина хочет капитально надраться. Инка взглянула на говорившую с жалостью: невозможно было определить – красива она или нет. Половину лица удачно скрывали тяжелые очки в роговой оправе. Линии глаз за толстыми линзами чудовищно преломлялись, они отталкивали и притягивали одновременно.

– Иона!.. – жалобно произнесла женщина, впившись линзами в равнодушное лицо горноспасателя.

– Пока не могу сказать ничего утешительного, Наташа. Извините. – Иона потянулся за фисташками и с треском раз-

ломил одну из них.

Впрочем, женщина уже не слушала его, ей неважен был ответ: она знала, *каким* он будет. Она встала из-за стола и направилась к стойке. У нее оказалась идеальная фигура. настолько идеальная, что даже Марк с Ионой бросили в ее сторону заинтересованный взгляд.

– Безутешная вдова покойного? – ревниво спросила Инка, она не терпела ничьего превосходства.

– Подруга. – Иона отвел взгляд от женщины и повернулся в сторону Ольги. На Инку он даже не посмотрел.

– Не переживай, душа моя, по приезду куплю тебе зеркальце, которое всегда будет высвистывать тебе, что именно ты на свете всех милее, всех румяней и белее, – промурлыкал Марк Инке. – Может быть, хоть тогда ты успокоишься.

– Спасибо, зеркальце у меня уже есть.

Диджей, сидевший на возвышении в глубине зала, завел какую-то старую виниловую пластинку. Ольга сразу же узнала музыку, выплеснувшуюся из динамиков: ну, конечно же, тема из «Мужчины и женщины» с приглушенно-страстным французским речитативом.

Казалось, Инесса только этого и ждала.

– Можно вас пригласить, Иона? – спросила она томным голосом. – Это моя любимая вещь.

– Я не танцую, – железобетонный Иона спутал Инке все карты: непростительная глупость с его стороны.

За столиком повисло молчание. Но спустя несколько се-

кунд Инка взяла себя в руки.

– Объясни своему братцу, что не принято отказывать красивым женщинам. Они этого не прощают. И тогда тебя находят в собственной кровати с перерезанным горлом, – сказала она Марку.

– Берегись, Иона, – засмеялся Марк. – От этой дамочки всего можно ожидать.

– Я учту. – Иона откинулся на стуле и втянул в себя пивную пену.

– А что прикажете делать соблазненной и покинутой, Иона?

– Не знаю.

Твердолобость шурина (или деверя, господи, как нелепо может именоваться брат человека, которого ты любишь!) не понравилась даже Ольге, которая наблюдала за происходящим с известной долей снисходительности. Она бросила укоризненный взгляд на Марка – приведи в чувство своего хамоватого аборигена! – а потом на самого Иону – не очень-то вежливо с вашей стороны так разговаривать с женщиной.

Марк тотчас же попытался исправить положение: он поднялся и склонился в церемонном поклоне над обиженной Инкой.

– Вы позволите?

– Ты, конечно, не предел моих мечтаний. Я бы предпочла кого-нибудь другого...

– Учти, я здесь не только как скромный отдыхающий, но

и как представитель фирмы твоего мужа.

– И что?

– Должен присматривать.

– Это его распоряжение?

– Нет, но...

– Все понятно. – Инка обезоруживающе улыбнулась. – «Вечная бдительность – залог свободы». Картина Рокуэлла Кента.

– Мне больше нравятся импрессионисты.

– Ладно, – смиростивилась Инка. – Не могу сказать, чтобы я была в восторге. Но на безрыбье...

– Я предпочел бы высказывание «За неимением гербовой, пишут на простой», если не возражаешь. Как подчиненный твоего высокопоставленного мужа.

– Учти, я буду целенаправленно наступать тебе на ноги, – улыбнулась Инка.

– Я тоже.

Марк и Инка удалились к пяточку эстрады, и Ольга вдруг поймала себя на мысли, что они совсем неплохо смотрятся вместе: брюнетка и блондин, белое и черное, короткие стрижки... Уж слишком демонстративно они не ладят, а Инка действительно наступает Марку на носки, стерва... Вполне изящно и в такт музыке, как раз на синкопах.

Интересно, о чем они разговаривают? А они о чем-то говорили, Ольга это видела. При этом лицо у Инки было такое, как будто она раздавила гадину. Лучшего террариума

для Ольгиной ревности и придумать невозможно...

– Вы не слушаете меня? – приглушенный голос Ионы только сейчас донесся до Ольги.

– Почему же? – Она ограничилась тем, что вежливо пожала плечами.

– Вам понравился ваш коттедж?

– Он просто великолепен.

– Вы никогда не были в горах?

– Никогда.

Это была неправда. Конечно же, она знает, что такое горы: ее воспоминания о Тбилиси венчались Мтацминдой, ей нравилось это тбилисское название: Мтацминда, Мтацминда, оно было похоже на считалочку... Но все равно это было неправдой. Как и все, что касалось Мананы, включая ее душевную болезнь.

– Хотите, я покажу вам горы?

«Почему он так странно смотрит на меня?» – подумала Ольга. Антрацитовые глаза Ионы прожигали ее насквозь, впрочем, антрацит и должен гореть... Ровным, чистым пламенем.

– Конечно. Мы будем рады. Завтра с утра.

– Я не имею в виду Марка, – об Инессе Иона даже не заикнулся. – Я имею в виду вас. Только вас.

– Я не знаю... – Господи, зачем она сказала это? Нужно было ограничиться милым и твердым «нет», обратить все в шутку. Тогда в самом финале можно было снисходительно

коснуться его плеча: на правах родственницы. Выражение «Я не знаю» больше всего похоже на поощрение ухаживаний, на начало сентиментального платонического романа с далеко идущими последствиями. Только этого не хватало!..

Ольга заслонила рюмкой с коньяком. Отпила глоток и с тоской подумала: почему же не приходят к логическому финалу эти бесконечные «Мужчина и женщина»?..

Выпитый коньяк придал ей уверенности.

– Вы давно не виделись с братом? – светски спросила она.

– Семнадцать лет. С тех пор, как он уехал из Кизыл-Арвата. Бросил мать, которая уже с постели не вставала... Мы ее похоронили через полгода. Тогда ему было восемнадцать, а мне одиннадцать. Я его ненавидел.

Ольга вздрогнула, а потом вспомнила: ну, конечно же, склака из-за имени Иона, Марк рассказывал.

– Марк рассказывал мне... Ему нравилось ваше имя.

– Имя! – Иона хмыкнул. – Он хотел отнять его у меня. Он всегда отнимает то, что ему нравится. И если не дать отпор... Он может подмять под себя все и всех.

Это было так чудовищно несправедливо, что Ольга даже не нашлась, что ответить. Ее Марк совсем не такой: он нежен до самопожертвования, он предан делу, она видела его в разных жизненных ситуациях, и в каждой он был выше всяких похвал.

– Вы предвзято к нему относитесь, – сухо сказала она Ионе и даже отодвинулась от него.

– Простите. Я говорю правду.

– Вы просто завидуете ему. – Она слегка захмелела, а это всегда придавало ей смелости. – Просто завидуете, вот и все.

– Завидую? – Удивление Ионы было искренним. – Чему?

– Ну, хотя бы тому, чего он добился к тридцати пяти годам...

– Чего же экстраординарного он добился?

– Он... Он входит в совет директоров крупного концерна, он сам этого добился, он сам построил свою карьеру. А пробиться в Москве – это значит чего-то стоить по-настоящему. Он настоящий, Иона...

– Вы настоящая.

Он накрыл ее руку своей ладонью; ладонь была жесткой и прохладной, и это меньше всего походило на легкомысленный курортный флирт.

– Что вы делаете? – глупо спросила она. – Зачем?

Иона улыбнулся ей, но руку все-таки отнял.

– Не знаю, – медленно сказал он.

– Это нечестно, – Ольга даже сморщилась: костяшки пальцев еще горели от прикосновения горноспасателя.

– Почему?

– Марк – ваш брат. Вы ставите меня в неловкое положение.

– Разве? Я не хотел ничего дурного. Марк – мой брат, правда. А вы – жена брата, только и всего. Это называется родственными связями. Мы ведь родственники, правда?

Теперь Ольга почувствовала себя совсем уж глупо: чего только в голову не придет скучающей молодой женщине, очень верной жене очень верного мужа. Этот чертов Иона послан ей в искушение: слишком уж святочными были их отношения с Марком, никакой горчинки...

Случайное – или намеренное? – прикосновение руки Ионы не было ей неприятно, приходится признать. Но в самой его глубине таилась некая опасность, Ольга подсознательно чувствовала это. Нет, она никогда не вступит на эту стезю, утыканную свеженькими указателями: «ИЗМЕНА», «ПОРОК», «ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ». Инка бы в этом случае рассмеялась и сказала: «Иона, скажите правду, вы бы могли трахнуть жену собственного брата? Просто чтобы отомстить за детские обиды...» Но Инкин опыт не годился Ольге, она всегда была слишком правильной, ей в голову не приходило заглянуть в глубины своей собственной души.

– Чем вы занимаетесь, Ольга? – как ни в чем не бывало спросил Иона.

Хороший вопрос.

Дочь своего отца, жена своего мужа, пользователь компьютера, свободный английский, испанский и французский со словарем. Два раза в месяц «Сатирикон» (ее любимый театр), раз в месяц – Ленком (любимый театр Марка, банальнее не придумаешь). Есть еще, конечно, Сесар Вальехо...

– Вы знаете, кто такой Сесар Вальехо?

– Понятия не имею. – На лице Ионы застыло напряженное

внимание.

– Это перуанский поэт. Я сейчас его перевожу.

– Так вы переводчица. – Он посмотрел на нее со скептическим интересом.

– В некотором роде.

В некотором роде – точно сказано. Если учесть, что она уже просрочила сдачу переводов для «Иностранной литературы». И еще неизвестно, сколько будет копаться. Вальехо так не похож на нее – и на Марка он тоже не похож.

Он похож на Иону, вдруг отчетливо подумала Ольга. Та же обледеневшая ярость во взгляде, та же обледеневшая ярость в словах.

– Ну? – Иона посмотрел на Ольгу с поощрением.

«Сейчас я прочту ему пару подстрочников, – подумала Ольга, – спрячусь за широкую спину перуанца, – и танец к тому времени кончится, и вернется Марк, и все станет на свои места».

– Хотите, я вам что-нибудь почитаю из Вальехо? – с надеждой спросила Ольга.

– Нет, как-нибудь в другой раз.

– Иона! – Голос, раздавшийся над их столиком, был так громок, что Ольга даже вздрогнула.

Рядом со столиком стоял парень лет тридцати в расстегнутой куртке: бородатое загорелое лицо, раздувающиеся ноздри, угольно-черные брови.

– Познакомьтесь, Ольга, это Влад, мой коллега, горноспа-

сатель...

Если бы здесь сейчас была Инка, она бы отпустила какую-нибудь плоскую шутку в духе Чиччолины⁷: «Горноспасатель звучит почти как порнописатель. Как вы относитесь к порно, голубчик?»

Влад бросил быстрый взгляд на Ольгу и равнодушно кивнул.

– Слушай, Иона, где этот хрен Васька?

– Понятия не имею. Как собаки, не загнал?

– В том-то и дело! Джек поранил лапу, а у Васьки была мазь... Я ее найти не могу, а он как сквозь землю провалился...

Ольга с облегчением вздохнула: отличный повод спокойно ретироваться и оставить коллег по работе одних. Она поднялась из-за столика.

– Вы уходите? – равнодушно спросил Иона, на секунду отключаясь от негодующего Влада. – А что я скажу Марку?

Марк по-прежнему топтался у эстрады вместе с Инкой: похоже, эта сладкая парочка решила подготовиться к танцевальному марафону.

– Скажите, что я сейчас приду.

Женский туалет сотрясали весьма характерные звуки: какую-то любительницу крепких напитков выворачивало наизнанку. Ольга поморщилась: она не любила подобных неутешительных финалов. В своей жизни она напивалась

---

⁷ Чиччолина – итальянская порнозвезда.

лишь несколько раз, и все это сопровождалось таким тяжелым похмельем и такими угрызениями совести, что проще было отказаться от спиртного вообще. Впоследствии Ольга так и сделала, оставив для себя лишь коньяк. И то самую щадящую дозу: сто пятьдесят граммов и обязательная долька лимона.

Инка была в этом отношении куда разнузданнее: она пила все подряд, но это придавало ей дополнительный шарм. Втайне Ольга завидовала этому и понимала отца – именно этого «сердца с перцем» ему и не хватало.

Вымыв руки, Ольга критически осмотрела себя в зеркале – с возрастом в ней стала все больше проявляться грузинка-мать: тонкий нос с чуть заметной горбинкой, волосы, слегка выющиеся на висках; только рот подкачал, слишком бледный. Анемично-бледный, но, в конце концов, это нравится мужчинам: его всегда можно зацеловать до трепетного прозрачного кармина.

Так и есть.

Еще один седой волос на виске.

Воровато оглянувшись, Ольга вырвала его: восточные женщины седеют рано, даже наполовину восточные... Марку это может не понравиться.

За спиной Ольги послышался шорох – любительница крепких напитков благополучно выползла из кабинки, остановилась рядом с ней и вывернула краны до упора. Только теперь Ольга сообразила, что это и есть их случайная сосед-

ка, донимавшая Иону расспросами о пропавшем парне.

Кажется, ее зовут Наташа.

Наталья, так будет вернее.

Наталья сняла свои чудовищные очки с толстыми линзами, и только тут Ольга заметила, что она красива. Или, скажем так, была красивой. Ее лицо было похоже на осенний парк, уже тронутый увяданием.

– У вас есть носовой платок? – спросила она.

Порывшись в сумочке, Ольга протянула ей салфетку: освежающая салфетка осталась от недавнего перелета. Впрочем, Ольга сразу же поняла, что этой увядшей женщине не нужны ни платок, ни салфетка: ей нужно поговорить, вот и все.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Ольга.

– Отвратительно.

Разговор исчерпан. Можно закрыть сумочку и выдвинуться в сторону переполненного зала.

– Вы думаете, он погиб? – неожиданно спросила Наталья.

– Кто?

– Кирилл... Кира.

Только теперь Ольга сообразила, что она говорит о человеке, пропавшем пять дней назад.

– Простите, ради бога. – Она с состраданием посмотрела на Наталью. – Я ничего не знаю... Мы только сегодня приехали.

– Вы ведь их хорошо знаете, этих спасателей?

– Нет же!

– Но вы все равно их знаете. Скажите им. Убедите их! Они не должны прекращать поиски. Они должны найти Киру, это их долг... Живого или... – Она сглотнула слюну, а потом с тоскливым удивлением произнесла: – Или мертвого.

– Они и так делают все возможное, – позволила себе вступить Ольга.

– Все возможное! – Лицо Натальи прошила сардоническая улыбка. – Я вижу, как они делают все возможное! Развлекаются с девицами в баре, вместо того чтобы... Простите! Я не то имела в виду...

– Я понимаю. Я искренне сочувствую.

Наталья взглянула на Ольгу.

– Она сочувствует, соплячка! – страшно захохотала Наталья. – Вы даже не знаете, какой он был! Вы не слушайте, что вам скажут обо мне...

– Мне ничего не говорили о вас...

– Еще успеют. Я знаю, что они говорят за моей спиной. Выжившая из ума слепая любовница, я же вижу эти наглые бесстыжие взгляды... Мне не нужно сочувствие. Найдите его.

– Они ищут, – снова тупо повторила Ольга, никчемный разговор стал тяготить ее.

– Почему никто не хочет слушать о том, что я видела? Почему никто не хочет верить мне?

Ольга не удержалась и хмыкнула: черт возьми, похоже,

здоровый цинизм заразителен – точно так же, наверное, отреагировала бы и Инка. Интересно, что она вообще может видеть сквозь толщу своих линз?..

– Я же точно запомнила место, где они стояли!

– Кто «они»? – праздно спросила Ольга.

– Кира и тот человек, с которым он разговаривал. За несколько минут до того, как... – Наталья схватила ртом побольше воздуха. – До того, как их накрыло.

– Вы видели, как это произошло?

– Нет. Я... уехала. Спустилась ниже по склону. Но это неважно.

– А тот, второй человек... Если вы говорите, что видели его. Что случилось с ним?

– Я не знаю, девушка! Они хотят сделать из меня сумасшедшую. Утверждают, что никто не разговаривал с Кирой. Что они опросили всех.

– Неужели это так важно? Был ли кто-то рядом или нет.

– Мне все равно. Но они должны найти его.

– Я вас понимаю. – Еще одна ложь, Ольга и не думала понимать эту полуслепую летучую мышь с идеальной фигурой.

– Ничего вы не понимаете! – неожиданно ощерилась Наталья. – Если бы это произошло с близким вам человеком!

Она не выдержала и зарыдала.

Ольга вздрогнула. Она вдруг ясно представила, что точно так же убивается по вдруг исчезнувшему Марку. Ее собственному мужу. И что его нигде нет. Нигде. Ощущение бы-

ло таким ясным, что Ольга даже поежилась. И ей захотелось со всех ног бежать, вернуться в зал и убедиться, что с Марком ничего не случилось.

Она не переживет. Есть вещи, которые невозможно пережить.

– Я могу что-нибудь для вас сделать? – кротко спросила Ольга.

– Выпейте со мной. Да, мы даже не познакомились... Меня зовут Наталья.

– Очень приятно. Ольга.

Приятного, в общем, мало. Торчать в туалете с незнакомой женщиной на грани нервного срыва и даже не знать, как ее утешить. Наталья достала из кармана брюк плоскую маленькую бутылочку с виски.

– Выпьем?

– Вообще-то я не пью, – Ольга с сомнением посмотрела на крошечную емкость.

– Я тоже.

Ну да, это заметно.

– Вы думаете, что я алкоголичка? – Наталья перехватила ее скептический взгляд.

– Да нет.

– Это Кира... Кира научил меня пить виски. Он всегда заказывал его.

«И пиво, – подумала про себя Ольга, вспомнив батарею пустых кружек за столиком Натальи, – самый обыкновенный

рабоче-крестьянский «ерш».

– Ладно, давайте ваше виски, – сдалась Ольга, невозможно отказать этой несчастной женщине в очках работницы библиотечного коллектора.

Наталья с готовностью протянула ей бутылочку. Ольга вежливо отхлебнула и даже закашлялась: виски оказалось неожиданно крепким.

– Теперь я! – Наталья выпила все до последней капли.

А потом пристально посмотрела на Ольгу. Все это время она разглядывала ее, цепляясь глазами за каждую подробность, – это разглядывание было неприлично. И, в еще большей степени, непонятно.

– Хотите, я покажу вам его?

– Кого?

– Киру же!

«Совсем с ума сошла», – с жалостью подумала Ольга.

– В каком смысле – покажете? – ляпнула она и тут же прокляла себя за бестактность.

Лицо женщины сморщилось.

– У меня есть фотография... Это единственное, что у меня осталось от Киры.

И, не дожидаясь ответа, она вынула из заднего кармана джинсов уже порядком поистрепавшуюся полароидную фотографию.

На ней были запечатлены сама Наталья и улыбающийся молодой человек с холеным лицом самого обыкновенного

прохвоста: типичный охотник за удовольствиями, любитель экстремального траха и общепринятых женских стандартов: 90-60-90. Наталья подходила под эти стандарты, и именно поэтому улыбка у молодого человека была такой широкой.

– Он красив, правда? – жалобно сказала Наталья.

– Очень, – Ольга пожалела, что не добавила пару эпитетов, способных согреть сердце безутешной женщины: «великолепен», «божественен», «превосходен»...

Она вернула фотографию Наталье, и та снова спрятала ее в карман.

– Несправедливо... Боже мой, как несправедливо, когда такой молодой, такой красивый человек... Лучше бы это была я...

Ольга нисколько не сомневалась в искренности ее слов: эта женщина действительно жизнь готова отдать за своего случайного Киру.

– Ну что, вам полегче? – Только сейчас Ольга поняла, что чертово дармовое виски двинулось не в то горло.

– Нет, но все равно спасибо. Сейчас напьюсь и отправлюсь спать. Ничего другого в этой глуши не остается, Ольга, поверьте мне.

– А мне здесь нравится.

– Каждый день я хочу убраться отсюда. С тех пор... как пропал Кира.

– Вы приехали вместе?

– Нет... – Она виновато посмотрела на Ольгу. – Но я ду-

мала... Я надеялась, что мы вместе уедем.

Все понятно, Ольга оказалась права – самый банальный курортный роман, в который с головой бросаются отставные красавицы.

– Ему нравился сноуборд. И все экстремальное. – Наталью прорвало: она была готова делиться воспоминаниями с кем угодно. – Он вообще был рискованным человеком... Господи, почему я говорю «был»?..

Потому что он пропал пять дней назад, его накрыло лавиной, этого вполне достаточно, чтобы говорить «был».

– Ведь никто не видел его мертвым, Ольга... Вы понимаете? Человек жив, пока его не увидели мертвым.

Отлично, пусть это и послужит тебе утешением.

– Извините, Наташа, мне пора. Меня ждут.

– Да-да, конечно. Я понимаю. Идите, веселитесь, – с неожиданной ненавистью в голосе сказала Наталья.

...Не стоило ей пить это заряженное чужим отчаянием виски – Ольга поняла это сразу, как только покинула Наталью. К горлу неожиданно подступила давно забытая самолетная тошнота. Не хватало только в таком виде явиться к Марку. Да и Инка поднимет ее на смех. «Так тебе и надо, Лелишна, не нужно тренировок пропускать», – Ольга так и слышала, как Инка скажет эти слова.

Ольга толкнула тяжелую дверь и вышла из бара: несколько минут на свежем воздухе вполне могут исправить положение. Она прошла по вытоптанной дорожке и, сойдя с нее,

упала в снег. То, что нужно.

От морозного воздуха тошнота понемногу проходила. Ольга взяла немного снега в горсть и вытерла им разгоряченное лицо. И несколько минут пролежала с открытыми глазами, глядя в хрустальный купол далекого неба.

Чье-то тяжелое дыхание напугало ее, застало врасплох. Ольга села в снегу, подавив готовый непроизвольно вырваться крик: собака – огромный лохматый сенбернар – осторожно обнюхивала ее. Ольга инстинктивно прижала руки к груди.

– Не бойтесь! – раздался совсем рядом мужской голос. – Он не кусается. Фу, Джек!

Недалеко от нее остановился молодой человек в ватном комбинезоне и свитере. Отблески вывески на баре причудливо играли с его лицом: оно показалось Ольге чересчур мрачным. На тяжелой квадратной челюсти, которую венчал неожиданно беспомощный, почти женский рот, застыла красная неоновая полоска. Молодой человек подошел ближе, полоска на подбородке исчезла и переместилась выше, к глазам.

– Вам плохо? – участливо спросил он.

– Нет. Просто дышу свежим воздухом.

– Не стоит лежать на снегу в одном свитере. Можете простудиться.

– Да-да... Я понимаю. Я уже собралась уходить.

– Давайте я вам помогу. – Молодой человек протянул ло-

патообразную ладонь.

Но руку Ольга не взяла, и она беспомощно повисла в воздухе.

– Вас привез Иона, – сказал парень.

Ну и деревня, все про всех знают. Похоже, до завтрашнего утра они будут местной достопримечательностью, пока не опробуют привезенную экипировку и не смешаются с пестрой толпой горнолыжников.

– А вообще, вас уже ищут.

– Спасибо, – сжав губы, строго ответила Ольга.

Ей очень хотелось потрепать по морде околачивающегося рядом с ней пса, но сделать этого она так и не решилась. Еще неизвестно, как на это отреагирует хозяин.

– Юрик! – раздался вдали чей-то негодующий крик. – Юрик! Сколько тебя можно ждать! За смертью тебя посылать, что ли!..

– Извините. И все-таки не стоит лежать на снегу.

Парень позвал собаку, и через несколько секунд они уже исчезли в темноте. Дождавшись, когда они скроются, Ольга поднялась и побрела к бару. В холле она еще раз столкнулась с Натальей, но на этот раз уже не заговорила с ней, а ограничилась легким кивком головы.

* * *

Ольгу действительно заждались. Во всяком случае, ее

встретил издевательский смех Инки и нахмуренное лицо Марка. Иона сидел за столиком с самым равнодушным видом. На Ольгу он даже не взглянул.

– Где ты ходишь? – набросился на нее Марк. – Мы уже не знаем, что думать...

– Разве Иона вам ничего не передал? – начала было Ольга.

– Нет. А что он должен был передать?

Конечно же, он ничего не передал, другого и ждать не приходится: мелкая месть брату и впечатлительной жене брата, правильной, как пачка презервативов на прикроватной тумбочке.

– Ладно, ничего он не должен был передать.

– По-моему, ты выпила лишнего, кара. – Марк пристально посмотрел на жену, он слишком хорошо знал ее.

– Ну и слава богу, – одобрила Инка. – Все верно, Лелишна! Надирайся до соплей, он будет мыть твое тельце в ванной, уносить в койку в махровой простыне и еще больше любить. Мужчинам иногда нравятся пьющие женщины, они их возбуждают. Это такой вид извращения, за который не предусмотрена уголовная ответственность...

– Похоже на опыт из личной жизни, – не удержался от шпильки Марк.

– Как поплясали? – спросила Ольга, чтобы прекратить этот блудливый поток слов.

– Лучше не бывает. Эта стерва, твоя подруга, отдавила мне все ноги.

– Я очень старалась, – скромно заметила Инка.

– Охотно верю. – Ничего не изменится в их отношениях, подумала Ольга. Можно сколько угодно валяться в снегу и пить с незнакомыми женщинами в туалете, но в их отношениях ничего не изменится.

– Ладно, мне пора, – неожиданно сказал Иона.

Похоже, он ждал ее возвращения только для того, чтобы произнести это. У Ольги вдруг упало сердце: так было, лишь когда Марк касался пальцами ее сосков. Но чтобы это произошло вот так, просто, от ничего не значащих слов ничего не значащего человека. Пожалуй, она действительно выпила больше нормы...

– Завтра с утра я зайду за вами. Будьте готовы.

– А за мной? – закапризничала вдруг Инка.

– Вы тоже подходите к их коттеджу. Проверим снаряжение и двинем. Значит, в девять я у вас, Марк.

Иона поднялся из-за столика и направился к выходу.

– Может быть, и мы пойдем? – робко спросила Ольга.

– Пожалуй. Сегодня был длинный день, кара. – Марк обнял ее и притянул к себе.

...Они проводили Инку до гостиницы и решили прогуляться. Это было спонтанное решение, непонятно от кого исходившее: то ли от Марка, то ли от Ольги, то ли от затаившихся в глубине ночи гор.

– Как твой Вальехо? – неожиданно спросил Марк, он всегда был внимателен к невинно-интеллектуальным занятиям

жены.

– Не знаю... То есть я знаю, но мне чего-то не хватает. Полноты жизни, что ли... Полноты взгляда на мир. Такой, как у него, – сказала Ольга и сразу же пожалела об этом своем откровении.

Марк остановился, развернул Ольгу к себе и поднял ее подбородок нетерпеливыми пальцами.

– Тебе не хватает полноты жизни, кара?

– Нет, я не так выразилась... Вальехо – это мужское отношение к миру. Очень страстное. А его-то как раз мне и не хватает.

– Конечно. Ты же женщина. Любимая женщина. Моя любимая женщина.

Он поцеловал ее. Он поцеловал ее под высокими пронзительными звездами, у подножия притихших гор, у сердца притихших лавин, – и это был очень терпкий, очень сладкий поцелуй.

Венецианский поцелуй.

Ну да, вся их свадебная Венеция была исполнена таких поцелуев: вблизи от черной воды, подгнивших свай, потемневших от времени фасадов. Неужели все возвращается?..

– Похоже на Венецию, правда? – неожиданно сказал Марк, как будто бы подслушал ее собственные мысли.

Ольга вздрогнула и еще крепче прижалась к Марку.

– Я тоже сейчас об этом подумала.

– Правда? А еще о чем?

– О том, что эта наша поездка похожа на второй медовый месяц.

Господи, она соврала! Первый раз в жизни она по-настоящему соврала Марку, своему мужу, которого любила больше всего на свете. Сейчас она думала совсем о другом: как жаль, что Иона не захотел слушать Вальехо... Она бы нашла, что ему почитать.

...Совершенно случайно они оказались на этой маленькой площади, в глухом внутреннем дворике. Ярко освещенная прожекторами, она выглядела просто фантастически: ледяные фигуры, замки, фонтаны из льда, навсегда остановившие свой бег. Подсветка была самой разной, но преобладали синий и красный цвета – именно в них ледяные поверхности скульптур смотрелись идеально. Они бликовали, дышали, жили своей собственной жизнью. Персонажи сказок и мультфильмов были в явном меньшинстве. Всю начинку городка составляли старательно выполненные копии известных скульптур – в основном древнегреческих и древнеримских. Пара вещей Микеланджело и даже «Вечная весна» Родена.

От восхищения Ольга остановилась и прижала руки к груди.

– Ты знал об этом, Марк? – спросила она у мужа.

– Понятия не имел. Похоже на филиал Эрмитажа или Пушкинского...

– Боже мой, как здорово!... Я и представить себе не могла,

что лед может быть так красив...

Некоторое время они, как потерявшиеся маленькие дети, бродили среди всего этого великолепия, расходясь от одной скульптуры, чтобы встретиться у другой. Только один раз они не встретились тогда, когда должны были встретиться.

Ольга обошла весь скульптурный городок: Марка нигде не было. Путаясь в поворотах, проходя сквозь ледяные арки дворцов, она несколько раз окликнула его.

Никакого ответа.

Только звук ее собственного голоса, отраженный, преломленный мертвым прозрачным льдом. Он возвращался к ней измененным и почему-то полным тревоги: как будто хотел предупредить ее о чем-то. В какой-то момент Ольга даже испугалась, она увидела – нет, скорее почувствовала – легкую темную тень за собой.

– Марк! – неуверенно позвала она. – Марк.

И снова никакого ответа.

– Марк! Марк, не пугай меня!..

Неясная тень за ее спиной переместилась, теперь она была сбоку. Она не приближалась и не удалялась, она находилась на одном и том же расстоянии, которое становилось опасным. Набравшись храбрости, Ольга оглянулась.

– Кто здесь?

Тень мгновенно исчезла. Это было похоже на наваждение.

Теперь ей больше всего хотелось вырваться из этого ледяного городка, из этой хрустальной ловушки. Но сделать

это оказалось не так-то легко: она просто заблудилась среди льда. Где-то – в труднодоступной для нее близости – сверкал огнями главный гостиничный корпус «Розы ветров», а здесь было темно от ярко блестевшего льда. И почти тотчас же к Ольге пришло неведомое доселе чувство: ярость, густо перемешанная с тоской. От этой неконтролируемой ярости она даже начала задыхаться. А потом случилась и вовсе постыдная вещь: Ольга бросилась на ближайшую скульптуру (ни в чем не повинный крошечный Микки-Маус) и ударила его кулаком.

Мгновенная боль в руке отрезвила ее.

«Господи, что же я делаю?»

Ольга сунула саднящие костяшки пальцев в рот: у собаки заболи, у кошки заболи, а у Оли – пройди... Именно так всегда говорила ей Манана, когда маленькая Ольга разбивала в кровь коленки, падая с велосипеда. Она смазывала их зеленкой, а Ольга не могла дождаться, когда они подживут, чтобы сдирать коричневую корку. А под ней всегда оказывалась розовая, еще неизвестная ей кожа...

Манана.

Почему сейчас она вспомнила о матери?

Эта секундная ярость, эта тоска, этот вариант клаустрофобии во льду... Боже мой, может быть, нечто подобное испытывала ее мать. Внутри Ольги все похолодело, на секунду она даже стала похожа на одну из скульптур, окружающих ее.

Только не это.

Только не это, только не это... Все, что угодно, только не это... Я не должна, не должна, ну, пожалуйста...

– Марк! – срывая голос, закричала Ольга.

Он появился сразу же, как будто все это время находился поблизости. Увидев сидящую на вытоптанном снегу жену, он сразу же бросился к ней.

– Что случилось, кара?

– Где ты был? – яростно прошептала Ольга.

– Да здесь же. Я тебя пятнадцать минут ищу.

– Нет. Это я тебя ищу. Ору, ору, а ты даже не находишь нужным отозваться!..

– Да нет же!

Ольга вцепилась в край его куртки; губы ее запрыгали.

– Ты считаешь меня дурой? Законченной идиоткой?

– С ума сошла!

Почему он вдруг заговорил о сумасшествии? Почему, почему?!

– Не смей говорить мне такого! – Еще секунда, и она бы ударила Марка.

– Да что с тобой?

– Никогда не говори мне, что я схожу с ума, слышишь?!

– Хорошо. Только попытайся взять себя в руки.

– Уже взяла, – вдруг улыбнулась Ольга и всем телом потянулась к нему.

Он наконец-то увидел ее разбитый в кровь кулак, крепко сжал и поднес к лицу.

– Ты поранилась, кара?

– Ничего. – Ей вдруг стало стыдно за разыгравшуюся сцену.

«Веду себя как полоумная девчонка, а Марк ни в чем не виноват...»

– Что произошло?

– Я не знаю... Я искала тебя. И потом мне показалось, что кто-то все время следит за мной.

– Что ты, кара! Ну кто за тобой может следить?

– Не знаю... Просто мне стало страшно, а ты не отзывался...

– Ну, успокойся. – Марк обнял ее непроизвольно вздрагивающие плечи. – Твой муж с тобой и никогда не даст тебя в обиду.

– Да-да, конечно.

– Выкинь все из головы. Ты немножко выпила, и потом – столько впечатлений... Я понимаю, у кого угодно голова кругом пойдет.

– Давай вернемся к себе. Я не хочу здесь больше оставаться.

Она действительно не хотела здесь оставаться, Марк видел это: все тело жены была мелкая дрожь.

– Никогда больше сюда не приду.

– Хорошо. – Лучше во всем сейчас с ней соглашаться.

– И ты тоже. Не ходи.

– Не буду.

– Это очень странное место, я чувствую... Эти скульптуры – они как будто живые изнутри. Как будто подсматривают за нами.

– У тебя разыгралось воображение.

– Если бы!

– Впрочем, так и должно быть. – Он улыбнулся и осторожно коснулся губами ссадины на руке Ольги. – У переводчиков с испанского должно быть отменное воображение, ты не находишь?

Кажется, Марку удалось разрядить обстановку: Ольга улыбнулась, чуть застенчиво, – именно эту улыбку он любил в своей жене больше всего.

– Ты чертовски хороша, – прошептал Марк. – Пойдем домой. И закажем чего-нибудь выпить. Кофе, да?

– И немного коньяку. – Ольга полностью оправилась, недавние страхи показались ей смешными, но оставаться здесь все равно не хотелось.

– Хорошо. Немного коньяку и немного любви. Если ты, конечно, не возражаешь.

– Как я могу возражать, милый?..

* * *

...До чего же она хороша.

Женщина, которую я ждал. Я ждал именно ее, и она пришла.

Теперь моя коллекция будет полной.

Мне не терпится увидеть выражение ужаса на этом личике. Ужас так идет молодым женищинам, он делает их губы неотразимо-готовыми к последнему поцелую. Он заставляет блестеть глаза. Закованная в лед, она будет еще более прекрасна, чем в жизни. Нужно только выбрать подходящий момент, разлучить ее со спутниками: все должно выглядеть естественным. Она не должна бояться меня. Никто не должен бояться художника, хотя бы потому, что только художник способен подарить бессмертие.

Разве не об этом все мечтают?

Она, наверное, тоже мечтает об этом.

Проклятая астигматичка не дает мне покоя. Она не может смириться с потерей своего драгоценного Кирилла. Иногда меня так и подмывает показать ей, во что он превратился. Может быть, ей понравится. Может быть, она захочет остаться с ним. Это не входит в мои планы, но все же...

Она должна уехать. Почти слепые видят то, чего не могут разглядеть все остальные. Это беспокоит меня. Она бесполезная свидетельница, но все же свидетельница. Это плохо. К тому же дурак Вася обнаружил то, чего не должен был обнаружить.

И это тоже плохо. Две оплошности подряд – нужно быть осторожнее. Пока мне удалось справиться с ситуацией. Для этого достаточно было воспользоваться его «Ун-

дервудом». «Ундервуд» придумает новый финал его жизни. А настоящий уже не будет никого интересовать. Когда я заговорил с ним, несчастный Василий даже не знал, чем закончится наш разговор. Настрочить столько детективов и не знать, чем обычно заканчивается разговор с убийцей, – непростительная ошибка с его стороны.

А за ошибки всегда нужно платить.

Он был плохим писателем, но теперь уже никто не узнает об этом. Я читал все его рукописи: даже я написал бы лучше.

Он плохой писатель, а я хороший скульптор. Мне даже не нужно ни у кого искать подтверждение этому. А те, кто все-таки может подтвердить, давно мертвы. Если бы я мог знать, что они чувствуют, находясь подо льдом!.. Если бы я мог знать, что чувствовал Кирилл, когда я подбрасывал его застывшие скульптуры этим пижонским «Жиллеттом» из его несессера. И аккуратно смачивал этим пижонским одеколоном «Кензо» его виски. Идея взять несессер, может быть, не самая лучшая. Но бороться с искушениями бесполезно, я понял это много лет назад и теперь живу в полной гармонии с самим собой. Пропажу несессера никто не стал афишировать, здесь я оказался прав. Я слишком хорошо знаю людей, которые здесь работают. Они мне доверяют, некоторые даже считают меня хорошим парнем вообще и своим приятелем в частности. Так и должно быть, я еще никого не разочаровал. Я не люблю разочаровывать.

Но сейчас лучше думать о женщине, которая приехала.

О моей женщине. Я сразу же понял, что это она: с нежным профилем, с почти идеальной линией подбородка. Что еще нужно художнику? Приручить модель, только и всего. И в нужный момент отсечь лишнее: тех людей, которые ее окружают. Они будут так же стенать по поводу ее исчезновения, как и проклятая астигматичка по поводу своего Кирилла. Но это уже ничего не изменит.

Никогда еще я не был так близок к успеху.

Никогда...

* * *

Впервые за последние два дня адская боль в пояснице отступила.

Она отступила как обычно: в час быка, в преддверии утра. Боль уползла змеей в недра измордованного собачьей жизнью организма: там ее логово, там она будет поджидать самого неподходящего времени, чтобы опять наброситься и не отпускать.

Пал Палыч Звягинцев кряхтя поднялся с кровати и направился к столу, уставленному пустыми бутылками из-под водки и пивными банками. Методично перетряс их, сливая в немытый стакан последние капли. Набралось немного, даже меньше четверти стакана. Но этого вполне хватит, чтобы помянуть недобрым словом радикулит и достойно встретить

новый день.

Звягинцев подошел к шифоньеру, раскрыл его и с опаской заглянул в утробу прибитого к дверце зеркала.

«Небритая опухшая рожа с двумя трясущимися подбородками, бульдожьи щеки, щетина, как у кабана, свиньи глазки с навеки поселившейся в них краснотой – ничего не скажешь, скромный филиал зооуголка средней школы».

С трудом удержавшись, чтобы не плюнуть в собственную физиономию, Звягинцев перевел взгляд на висящую на плечиках одежду. Ни в одну из шмоток он уже не влезал, но расстаться с ними было невозможно: они напоминали ему о совершенно другой жизни, в которой он не носил на своем горбу лишних пятьдесят кэгэ; в этой жизни не было гор и такого ослепительно-белого снега: только благословенная бурая жижа под ногами.

Всю свою жизнь Пал Палыч прожил в Питере, на Васильевском острове, под завязку набитом «новыми русскими» и бомжами. Каждый день он исправно ходил на работу в свое родное отделение милиции (угол Малого проспекта и Восьмой линии), исправно посещал по субботам баню, исправно пил там водку и так же исправно возвращался домой.

Жена уже поджидала его со скалкой и исправно охаживала ею Пал Палыча. После этого кроткий Звягинцев отправлялся спать. К пятидесяти годам он дослужился всего лишь до капитана. Карьере помешало пьянство и некая леньность мысли, следствием чего были дела, которые в основ-

ном поручались Звягинцеву: семейный мордобой с нанесением тяжких телесных, коммунальные склоки, кражи белья и мелкое хулиганство.

Впрочем, сам Звягинцев был доволен ни шатко ни валко катящейся службой: на ней можно было без всякого ущерба для здоровья дотянуть до пенсии, а там...

Но все развалилось в один момент.

Погиб Володя.

Володя, его единственный сын, свет в окошке, отцова гордость. Студент университета, тайком от родителей пишущий смешные сказки для детей. Этими сказками даже заинтересовалось одно питерское издательство. Оно даже выпустило тоненькую Володину книжку с уморительными картинками – «Колыбельная для ежика».

Володя погиб нелепо, сорвавшись с крыши их собственного дома, куда залез, чтобы подшаманить задравшийся лист кровельного железа: лист хлопал на ветру и действовал на нервы всему дому. Мать несколько раз звонила в жилконтору, но кровельщики даже не чесались, и тогда Володя решил исправить положение собственными силами.

Он поскользнулся на влажной от дождя крыше и рухнул вниз с шестого этажа, прямо в залитый асфальтом колодец двора. Удар был страшным: почти все Володины косточки превратились в труху, только лицо не пострадало. На нем застыла удовлетворенная улыбка: до того, как упасть, он все-таки поставил на место злополучный лист...

После смерти сына Звягинцев два месяца пил по-черному: только так можно было заглушить боль, иссушавшую его. Только так можно было представить, что Володя еще жив.

Пал Палыч чуть не допился до белой горячки; он бросил пить только тогда, когда кончились все деньги в доме. И сразу же обнаружил, что жена ушла от него: она уехала к своей родне в Тосно, чтобы больше никогда его не видеть. Их уже давно ничего не связывало, кроме сына. А с его смертью оборвалась и эта ниточка.

В отделении к горю Звягинцева отнеслись с пониманием, ему даже предложили уйти в отпуск за свой счет. Но он уволился совсем, а через месяц вообще уехал из Питера – жить в доме, который стал погостом его единственного сына, было невыносимо. Из дому он взял только Володину книжку «Колыбельная для ежика».

Звягинцев оказался в «Розе ветров» случайно. Его старый армейский друг как раз набирал штат obsługi для вновь открывающегося курорта. Звягинцеву предложили занять должность секьюрити (сам Пал Палыч предпочитал кондовое русское «охранник», или «вышибала») с самым широким, хотя и расплывчатым кругом полномочий.

Работы как таковой было мало: постояльцы «Розы ветров» были интеллигентными, хорошо упакованными людьми, и пьяные драки и прочие маргиналии здесь не проходили. Случались, конечно, неприятности в виде схода лавин: несколько человек были заживо похоронены под сне-

гом. Если их удавалось откопать, приходило время Звягинцева: он весьма умело составлял протоколы и допрашивал свидетелей – сказывался давний милицкий опыт. Вершиной его карьеры в «Розе ветров» было дело о краже аметистовых сережек у одной из постоялиц. Даже заплывшие жиром и пропитанные водкой мозги Звягинцева развернулись в нужном направлении: за два дня он расколол нечистую на руку горничную, которую с позором удалили из «Розы ветров». Сережки вернули владелице, а скандал удалось замять не без участия Пал Палыча: у курорта должна быть безупречная репутация.

Звягинцев стал гораздо меньше пить: он хотел сохранить за собой непыльное место секьюрити, а это предполагало следование определенным правилам игры. Теперь он напивался только в ночь с субботы на воскресенье. И единственным свидетелем этих тихих попоек была «Колыбельная для ежика», с которой Звягинцев не расставался. Конечно, случались экстремальные ситуации – в горах у Пал Палыча прорезался радикулит: сырой питерский климат послал ему вдогонку прощальный поцелуй. В такие дни водки требовалось больше, чем обычно, но и с этим Звягинцев научился справляться. Он собирался навсегда осесть в «Розе ветров», тем более что в его жизни неожиданно появился горноспасатель Вася Сикачинский.

Их дружба стала неожиданной для самого Звягинцева: ну, что может связывать молодого, полного сил человека и тол-

стого пожилого мужчину, страдающего к тому же одышкой, радикулитом и неумеренной страстью к дешевой водке? Уже потом Звягинцев понял причину: *Вася был страшно похож на его покойного сына Володю.*

Не внешне, нет. Но Вася писал.

Пусть не сказки, нет. Пусть криминальные истории, но он писал. Он занимался тем же, чем мечтал заниматься его собственный сын. И Звягинцев стал самым благодарным читателем Васиных детективных опусов. Он находил их безупречными.

Сам же Вася намертво приклеился к Звягинцеву: он жаждал невыдуманных историй из жизни преступников и их преступлений. В одну из первых встреч Пал Палыча попутал бес: ему так хотелось понравиться парню, похожему на его сына, что он вдруг сказал Васе, что всю жизнь прослужил в КГБ (голубая мечта беспорочной юности) и даже дослужился до майора (голубая мечта похмельной зрелости). Вася раззвонил об этом среди обслуги, но, как ни странно, это только прибавило Звягинцеву авторитета. И он даже не стремился развенчать этот миф.

Вчера шебутной Васька что-то пытался ему сказать через дверь: что-то очень важное, как утверждал он сам. Но Звягинцев, обессиленный радикулитом, послал его подальше и теперь мучился угрызениями совести. Нужно пойти к Василию, выяснить, чего тот хотел, и заодно узнать, как проходят поиски Кирилла Позднякова, 1967 года рождения, уроженца

города Апатиты Мурманской области. За пять дней мучений с пропавшим лыжником Звягинцев выучил наизусть все его анкетные данные. Сейчас Поздняков проживал в Карелии и активно занимался лесным бизнесом.

Еще более активно он занимался женщинами: во всяком случае, в «Розе ветров». Этого не было в анкете, но сам Звягинцев имел счастье наблюдать за этим непосредственно. Даже горничная Майя, обнаружившая пропажу несессера (будь он проклят, этот несессер, торчит, как кость в горле!), и то успела переспать с ним.

А за связь с клиентом можно легко вылететь с работы, это точно.

Но самой большой головной болью для Звягинцева была Наталья Владиленовна Запесоцкая, очкастая сорокатрехлетняя мымра из Москвы, насмерть зашибленная поздняковской мошонкой. Наталья Владиленовна, прилипшая к Звягинцеву как банный лист, донимала его никому не нужными показаниями по поводу исчезнувшего в лавине Кирилла, она требовала ускорить поиски (не по адресу обращайтесь, девушка) и привлечь к ним как можно большее число народу (это не моя компетенция, девушка). Первые несколько дней она активно увязывалась за спасателями, которые быстро охладили ее любовный пыл: такими вещами должны заниматься профессионалы.

По настоянию Запесоцкой Пал Палыч уже составил несколько протоколов и теперь бегал от нее как от огня. В ка-

кой-то степени радикулит, накрывший Звягинцева, был избавлением от нудной бабы, – за отдых от общения с ней Звягинцев готов был заплатить и бо́льшую цену.

Теперь ему предстояло выползти наружу, а значит, снова придется столкнуться с этой фурией. Звягинцев слабо надеялся, что Позднякова уже нашли, и тогда очкарица отстанет от него и полностью сосредоточится на оплакивании обледевшего тела. А в том, что если Позднякова найдут, то найдут мертвым, Пал Палыч не сомневался: за два года безвылазного сидения в Приэльбрусье он уже привык к горам и знал, что они никогда не отдают свою добычу. Если уж ухватили. Но он знал и другое: поиски будут вестись, пока тело не будет найдено, – пусть даже и малыми силами.

Но в случае с Поздняковым происходило что-то странное – его тело не могли обнаружить ни приборы, ни собаки, хотя район поисков был предельно сужен и конкретен. Эту странность Пал Палыч относил к ритуальным жестам Приэльбрусья: горам всегда необходимо приносить кого-нибудь в жертву, чтобы они оставляли в покое всех остальных.

Языческая жестокость, но что поделаешь...

По утверждению Запесоцкой, которая якобы последней видела Позднякова, он, несмотря на предупреждение метеорологов, ошивался на трассе для фристайла. Это была заброшенная трасса к западу от «Розы ветров» и много выше по склону. Ею вот уже год никто не пользовался. Эта трасса имела дурную славу – в прошлом году именно здесь под

лавиной безвозвратно исчезли двое слаломистов: муж и жена. Звягинцев хорошо помнил их. Милые люди, профессора то ли органической, то ли неорганической химии. Дома они оставили собаку – королевского пуделя, – к которой так и не вернулись. Теперь вот еще и Кирилл Поздняков, уроженец города Апатиты (Звягинцев был в Апатитах один раз в жизни, проездом, и так и не смог сказать о городе ни одного доброго слова).

Что потянуло туда Запесоцкую – понятно, она везде, как тень, бродила за своим ветреным молодым любовником. Но что заставило самого Кирилла выйти на нефункционирующую трассу, так и останется загадкой. Запесоцкая наблюдала за ним издали, чтобы лишний раз не нервировать возлюбленного, а когда пошла лавина, инстинктивно бросилась вниз и в сторону: трах трахом, а о собственной жизни тоже подумать не мешает. И когда Запесоцкая увидела вместо трассы девственно-чистый снег, она поняла, что спасти Кирилла может только немедленное вмешательство спасателей. Но следом за первой лавиной прошла вторая, и шансы Кирилла свелись к нулю. Науськиваемые Натальей Владиленовной спасатели проутюжили трассу вдоль и поперек, но так ничего и не нашли.

Очкастая дьяволица утверждала, что видела рядом с Кириллом какого-то лыжника, но и его тело обнаружено не было.

«Дохлый номер, – сказал сам себе Пал Палыч, – сливайте

воду». Багаж Позднякова надо упаковывать и отправлять в Карелию, по последнему месту жительства.

Громко сморкаясь и тихо матерясь, Звягинцев натянул на себя мятый костюм, пристроил к подбородкам измочаленный галстук (секьюрити, что поделаешь, нужно соответствовать) и в который раз подумал, что его распирает, как на дрожжах: воротничок на шее не сходится и пуговицы на брюках застегиваются с трудом.

«Куда же меня тащит, мать твою, – в который раз подумал Звягинцев, с отвращением глядя в зеркало. – Прав Васька, нужно заняться этими гребаными лыжами, авось похудею...» Но это были только благие пожелания: за два года, проведенные на горнолыжном курорте, он даже близко к ним не подходил. А красивый спуск по слаломной трассе с отрогов виделся ему только в ночных кошмарах, приправленных радикулитом.

И, как обычно надев вместо горнолыжного костюма плащ-пальто на ватине и шляпу с заломленными полями (Вася считал ее неотъемлемым атрибутом частного детектива, и она приводила его в восторг), Звягинцев покинул свой номер.

* * *

В домике спасателей Звягинцеву долго не открывали. Но чутье старого мента подсказывало ему, что за дверью

кто-то схоронился. Пал Палыч даже догадывался, *кто именно*, – и это приводило его в ярость. Дверь сотрясалась под ударами его пудового кулака, явно намереваясь сорваться с петель.

– Открывайте, сволочи! – зычно кликнул Звягинцев.

Как будто послушавшись его призыва, дверь робко приотворилась, и в ней показалась разбойная физиономия Ахмета. Звягинцев проворно сунул ногу в образовавшуюся щель.

– А... Это ты, Палыч! – Ахмет тщетно попытался изобразить на лице некое подобие радости встречи.

– Нет, это твоя девка из ресторана. – В свободное от остальных женщин время Ахмет активно шастал к одной из ресторанных официанток, напрочь лишенной груди и чувства ревности. – Ну и морда у тебя, Ахметка! Остается только кинжал в зубы и на стенд «Их разыскивает милиция».

– Завидуэш, старый черт! – беззлобно осклабился писанный черкесский красавец.

– Завидую, – сознался Звягинцев. Это относилось к поджарой, узкой, как каминная кочерга, фигуре спасателя.

– А я болёю, – непонятно зачем, добавил Ахмет. – Ангина, знаэш...

– Вижу, что болеешь, – промычал Звягинцев, отесняя Ахмета от двери и просачиваясь в помещение.

Ахмет мягко отступал, с чисто восточным коварством сдавая позиции: он незаметно пододвинул низкую лавку, и Звягинцев, который не видел ничего, что находилось ниже

его толстого живота, споткнулся о нее и едва не сломал себе шею.

Ахмет загоготал и скрылся за дверью, ведущей в большую комнату, служащую гостиной.

Звягинцев последовал за ним.

Ахмет быстро одевался. Он уже успел натянуть на себя брюки и теперь возился с рубашкой: торс Ахмета был покрыт невероятным количеством черных упругих волос, которые производили на женщин просто фантастическое впечатление.

Вот и теперь одна из них лежала на широкой низкой тахте, натянув простыню до подбородка. Ее одежда валялась на полу рядом с тахтой. Звягинцев смерил ее скептическим взглядом: еще одна вырвавшаяся на свободу домохозяйка попала на Ахметов крючок.

А точнее, мощный крюк.

– Значит, болеешь? – еще раз поинтересовался Пал Палыч.

– Никому нэ запрэщено.

– А это, стало быть, лекарство. – Он кивнул головой в сторону застывшей под простыней женщины.

– Угу.

– Грелка, – тихо сказал Пал Палыч и легонько ткнул Ахмета кулаком в живот.

– Угу.

– Ты время зря не теряешь, – продолжал издеваться Звя-

гинцев.

– Слушай, да! – Невозмутимый черкес наконец-то вышел из себя и прошипел: – Нэ смэй так о женьщин!

– Ладно тебе.

– Сэрдцэ мое, собирайся, иди к подъемнику... Я скоро буду.

Девушка кивнула, не сводя взгляда со Звягинцева.

– Отвэрнис, папаша, – сказал Ахмет.

Звягинцев повернулся к девушке спиной и направился в угол, к единственному в комнате письменному столу: там стояла Васькина печатная машинка – устрашающего вида «Ундервуд», похожий на богато инкрустированный гроб.

Сейчас «Ундервуд» был зачехлен, что страшно удивило Звягинцева: Васька никогда не позволял себе ничего подобного, он был слишком ленив, чтобы зачехлять и расчехлять машинку.

– Это еще что такое? – пробормотал Звягинцев себе под нос и почти тотчас же получил ответ. На столе, рядом с машинкой, лежал листок бумаги, заполненный разболтанным ундервудовским шрифтом: «УЕХАЛ В ГОРОД ОТВОЗИТЬ РУКОПИСЬ. БУДУ ЗАВТРА К ВЕЧЕРУ. ПРИВЕТ ДЕДУ. ВАСИЛИЙ».

Звягинцев озадачился еще больше. С одной стороны, ему польстило, что Васька не забыл старика (привет был адресован ему, Василий давно называл Звягинцева дедом, и об этом знали все), с другой стороны...

Какую это рукопись собирался отвезить в город Васька? Последняя, законченная, благополучно отправилась в Москву две недели назад вместе с семейством заводчиков чау-чау, которым Василий так задурил мозги, что они взяли рукопись – лишь бы отвязаться от него.

Рукопись называлась «Танго мертвеца» (Васька обожал подобные леденящие душу названия).

Сразу же после отъезда собаководов Василий засел за новый опус с рабочим названием «Кровавое воскресенье». Он написал всего лишь пятьдесят страниц, в то время как обычный объем его страшилок составлял четыреста. Только Звягинцев был в курсе его графоманской статистики, Васька даже читал ему несколько глав из новой книги. Они не виделись около двух дней, но написать за это время триста пятьдесят страниц физически невозможно. Даже при Васькином прилежании.

Интересно, какую рукопись он повез в город?

Пока Звягинцев предавался размышлениям на эту тему, девушка Ахмета покинула гостеприимный филиал публичного дома, а Ахмет успел полностью одеться.

– Так где Василий? – спросил Звягинцев у черкеса.

– Ты жэ читал. Уехал твой Василий.

– Когда?

Видно было, что вопрос застал Ахмета врасплох.

– Вчэра, навэрное.

– Ты-то видел, как он уезжал?

– Нэт. Нэ было мэня. Он с утра с Казбэком был. Потом нэ знаю...

– Он мне что-то сказать хотел. Несколько раз в дверь ломился. Ты не знаешь?

– Нэт.

Может быть, именно это и хотел сказать Васька, когда осаждал дверь его номера? Что он уезжает отвозить рукопись, что...

«Интересно все-таки, какую рукопись повез в город Васька». Эта мысль гвоздем засела в голове у Звягинцева: за то время, что они были знакомы, Васька покидал «Розу ветров» только один раз, и этот отъезд обставлялся с соответствующей помпой. А теперь вот так, буднично: «Привет деду» – и даже не поинтересовался, нужен ли Звягинцеву табак для старенькой трубки (все, кто отправлялся вниз, обязательно привозили своему секьюрити табак, а сам Пал Палыч совсем недавно посетовал Ваське на то, что табак кончается).

Звягинцев присел на корточки перед столом и выдвинул ящики.

– Э-э, – возмутился было Ахмет. – А гдэ ордэр на обыск?

– Где-где... В Пентагоне.

Васька всегда печатал свои опусы в двух экземплярах. Первый оставлял себе (чтобы, не дай бог, не покусились на авторские права!), а второй отправлял по назначению. Это было своего рода незыблемым ритуалом. Рукописи занимали два ящика: за все время сочинительства начинающий бел-

летрист Василий Сикачинский накропал восемь романов. «Кровавое воскресенье» должно было стать девятым.

В ящиках Звягинцев насчитал все восемь первых экземпляров, включая «Танго мертвеца».

Вот только «Кровавого воскресенья» нигде не было. Ни пятидесяти страниц, ни одной. Ни первого экземпляра, ни второго.

Это страшно не понравилось Звягинцеву.

Безалаберный в жизни, Васька был педантом во всем, что касалось рукописей. Первый экземпляр должен лежать там, где должен. И этот порядок вещей неизменен.

Но первого экземпляра «Кровавого воскресенья» не было.

Звягинцев вдруг подумал о том, что вчера было именно воскресенье.

Почему он об этом вспомнил?..

Отъезд Васьки выглядел тухловато, его нельзя было ничем объяснить. Да еще важная новость, с которой Васька рвался вчера к нему в комнату... Все-таки нужно было открыть. Теперь Звягинцев пожалел, что не сделал этого. Чтобы отогнать от себя невесть откуда взявшиеся мрачные мысли, Звягинцев снова воззрился на Ахмета: с Васькой он разберется потом.

– Ну ладно, с этим все понятно. Уехал в город и тэ дэ, – Звягинцев произнес это вслух и вдруг отчетливо понял, что Васька никуда не мог уехать. – А где все остальные-то?

– Влад сам знаэш гдэ. И Юрик тожэ.

Звягинцев вздохнул: значит, Позднякова так и не нашли. Впрочем, это и так ясно. Если бы поиски увенчались успехом, его бы выдернули из номера – живого или мертвого.

– А Иона?

– К нэму гости.

– Понятно. Ты когда последний раз видел Ваську?

Ахмет наморщил безмятежный лоб и задумался.

– Вчэра утром. Он обещал Казбэку снаряжение подобрать.

– Это еще кто такой?

– Плэмянник. Отдыхает здесь.

– Ну и как? Подобрал Васька ему снаряжение?

– Конэчно!

– А потом куда он делся?

– Слушай, Палыч! Ну что ты ко мнэ пристал? Я сам только к утру вэрнулся. Кромэ записки, ничэго нэ видел.

Мысль о Васе Сикачинском почему-то не давала покоя Звягинцеву, она терзала его не очень здоровое, заплывшее жиром сердце.

– Значит, Влад и Юрик все еще роют... А где твоего племянника найти?

– Нэ знаю... Катаэтся, навэрное.

– Ну хорошо. Выздоровливай, Ахметка! Пошел я...

...Последующие два часа Звягинцев безуспешно пытался разрешить загадку Васькиного внезапного уезда, больше похожего на бегство. От этого можно было отмахнуться, но две

вещи настораживали его: во-первых, исчезновение обоих экземпляров рукописи. И во-вторых – его отчаянные попытки пробиться к Звягинцеву на протяжении вчерашнего дня.

Он ненавязчиво, чтобы, не дай бог, не вызвать нездорового ажиотажа, опросил всех, кого можно было опросить. Большинство сходилось на том, что видели Ваську в самых разных местах вплоть до шести вечера. Портье Сергей, который дежурил вчера, вспомнил, что еще утром Васька взял у него ключ от «Каменного мешка» («И так и не вернул, сволочь, а это уже почти должностное преступление»). Сергей сменился в полночь, и на вахту заступил Иван. А вчера утром Васька приходил с каким-то мальчиком, кажется, племянником Ахмета...

Звягинцев отправился в гостиницу, к Ивану. Собственно, с Иваном уже можно было не говорить, когда он неожиданно увидел то, что совершенно не рассчитывал увидеть.

Ключ от «Каменного мешка», мирно висящий на своем месте.

Звягинцев хорошо знал этот ключ: несколько раз Васька таскал его в «Каменный мешок», чтобы хотя бы попытаться подобрать Звягинцеву снаряжение («Стыдно, Палыч, жить в горах и даже не иметь понятия о том, что такое лыжи!»). Но ничего из этой затеи не вышло.

Звягинцев не спускал глаз с ключа: педант Серый сказал ему, что ключ Васька не вернул, хотя портье дежурил до полуночи. Из «Розы ветров» вышли вчера только две машины:

грузовичок «Газель» и джип кого-то из постояльцев. Но обе они покинули базу до восьми вечера.

Конечно, можно предположить, что Васька решил спуститься к «Приюту орла» – большому курорту, расположенному несколько ниже «Розы ветров». Оттуда даже ходил рейсовый автобус. Но это вообще выглядело самоубийством: ночью, на лыжах, в полной темноте...

Ни «Газель», ни джип еще не вернулись. Но если все-таки Васька и уехал на них, то кто повесил ключ от «Каменного мешка» на свое место?..

«Это старость, – подумал Звягинцев, – самая настоящая старость. Мерещится черт знает что и абсолютно на пустом месте: болезненная мнительность, какие-то странные фобии. Или это вылезает подсознание, оскорбленное и ушибленное многолетней работой в милиции? Или все те мелкие делишки, которые ты вел всю жизнь, теперь мстят тебе, вгрызаясь беззубым ртом в подсознание?

Кой черт, Пал Палыч Звягинцев, ты же никогда не был аналитиком, лавры всех этих умников в следственных кабинетах и хлыщей, прикуривающих свои сигареты от зажигалок жертв преступлений...

Нужно провериться у психиатра».

Но для того, чтобы провериться у психиатра, нужно было спуститься вниз, в большую жизнь. В ту жизнь, которая забрала у него единственного сына. А этого Звягинцев не хотел категорически.

А пока нужно найти этого самого Казбека, племянника любвеобильного черкеса. И Звягинцев отправился к бугельному подъемнику, ведущему на спуск для новичков. У подъемника в соломенном кресле-качалке и такой же соломенной шляпе сидел Арик Штиллер.

Арик Штиллер был достопримечательностью «Розы ветров». В прошлом году, в межсезонье, Арику исполнилось восемьдесят лет. Скромный юбилей отметили в узком кругу приближенных. Для этого Арика вместе с его качалкой перенесли в банкетный зал ресторана, где ему были преподнесены дорогие горнолыжные очки и торт, довольно точно воспроизводящий ландшафт у «Розы ветров». При этом взбитые сливки имитировали снег, а сам комплекс зданий достойно представляли медовые коврижки. Про тишайшего немца Арика ходили легенды. Поговаривали, что в войну он был егерем знаменитой дивизии «Эдельвейс», отличным горнолыжником и снайпером, снял не один десяток зазевавшихся русских солдатиков, и сам Геринг наградил его Железным крестом за храбрость. Но с Кавказа вместе с «Эдельвейсом» почему-то не ушел, остался здесь и прожил десяток лет на ледниках. А потом прибил к одной из турбаз. В самом конце его длинного пути маячила «Роза ветров», где он и собирался умереть. И даже место себе присмотрел – в распадке, недалеко от гостиницы.

Арик эти чудовищные мифы об «Эдельвейсе» не поддерживал, но и не опровергал. Он мирно доживал свой век у

бугеля, собирая у «чайников» билеты на подъем.

– Привет, Арик! – заорал Пал Палыч на ухо Штиллеру. – Как жизнь молодая?

Арик пожевал губами, что означало: «Привет, жизнь молодая движется по накатанной колее: никаких слаломных завихрений».

– Ты Ахметкиного племянника знаешь?

Это был праздный вопрос: престарелый Штиллер обладал феноменальной памятью на имена и лица, даже случайные.

– Казбек? – Арик так же аккуратно сжегивал слова, как и кормящая мать – молоко. – Поднялся недавно.

– Покажешь, когда на новый зайдет?

– Покажу.

...Ждать пришлось недолго. Спуск для новичков был самым коротким: что-то около пятисот метров. И через двадцать минут Арик ткнул скрюченным пальцем в маленькую фигурку, хромающую к подъемнику.

Племянник Ахмета был точной, хотя и уменьшенной копией своего дяди: сейчас он плелся в кильватере двух молоденьких лыжниц, тоже направляющихся к подъемнику; на лице тринадцатилетнего Казбека была написана явная заинтересованность этими яркими бабочками в красных комбинезонах. У самого бугеля Звягинцев перехватил мальчишку.

– Ты Казбек?

– А что?

– Ты мне нужен. Отойдем.

Малолетний Казбек бросил тоскливый взгляд на нимф, и Звягинцев сжалился:

– Ладно, успеешь еще накататься. Рассказывай.

– Чего?

– Про Васю.

– А что – про Васю?

– Он тебе снаряжение подбирал?

– А что?

– Вопросы здесь задаю я! – рявкнул Звягинцев.

– Ничего я не сделал...

– Давай по порядку: дядя попросил Васю, чтобы он подогнал тебе лыжи, правильно?

– Ну.

– И вы пошли подбирать лыжи. Правильно?

– Ну.

– Он тебе их подобрал. – Звягинцев уже начал терять терпение.

– Ну.

– И что было дальше?

– Ничего.

Дохлая номер. Звягинцев даже вспотел, достал из кармана пальто носовой платок, больше похожий на грязную банкетную скатерть, и промокнул им лоб. «С абстрактным мышлением у пацана дело швах. Попробуем пододвинуть его к конкретике».

– Значит, подбирать лыжи вы отправились утром, так?

– В полдесятого, – проявил неожиданную сметливость Казбек. – Сразу после завтрака.

– А почему запомнил? – От неожиданной удачи Звягинцев даже сдвинул шляпу на макушку.

– Завтрак в девять, так я его ждал.

– И вы пошли.

– Да.

– Стали подбирать снаряжение, – снова затянул свою волюнку Звягинцев. – Долго подбирали?

– Не знаю. Нет. Вернее, так. Сначала он нашел мне ботинки. Потом лыжи. Еще нужны были крепления и палки... А потом сказал, чтобы я ждал его, что он сейчас придет... Что ему кому-то нужно что-то сказать...

И тут Звягинцев вспомнил.

Ну, конечно, первый раз Васька заходил к нему что-то около десяти, он просто ломился в дверь. И даже разбудил Пал Палыча, который всю предыдущую ночь самоотверженно, но безуспешно сражался с радикулитом: именно это и взвинтило Звягинцева. Он посмотрел на часы и только потом послал Ваську подальше.

Было девять пятьдесят две, если верить его «Командирским». Плюс пятнадцать минут, на которые всегда отстают его часы, – итог: десять ноль семь.

Значит, Васька что-то такое вспомнил, если бросил мальчишку в «Каменном мешке» с ботинками, но без креплений. С лыжами, но без палок. Что-то такое, что не требовало от-

лагательств. Ведь не за сюжетным же ходом для своего романа отправился он к Звягинцеву.

Тогда о чем он мог подумать? Что вспомнить?

Или – *увидеть*?

Видя, что толстый дедуган о чем-то задумался, Казбек попытался ринуться к подъемнику. Но Звягинцев ловко ухватил его за полы куртки.

– Значит, так. Вася подобрал тебе лыжи и стал подбирать палки, так?

– Ну.

– А с чего это он решил уйти, он не сказал тебе?

– Нет. Копался-копался там, чего-то рассматривал, а потом сказал, что ему нужно срочно уйти и что он скоро вернется...

– И все?

– Все.

– А как он выглядел?

– Никак. То есть – обыкновенно.

– Ничем не был... – Звягинцев щелкнул пальцами, пытаясь подобрать слово, – ничем не был взволнован? Или озадачен? Или что-то вспомнил, может быть... Знаешь, как люди что-то вспоминают?

– Хлопают себя по лбу, что ли? – неуверенно предположил Казбек.

– Что-то вроде того.

– Да нет. Не хлопал он себя по лбу. Просто ушел – и все,

сказал, чтобы я его дождался.

– Ну, ты дождался?

– Да. Он быстро пришел.

– И что?

– Ругался. Сказал: «Вот старый козел, никогда его нет, когда он нужен».

Да. Старый козел, которого нет, когда он нужен, – это, видимо, он, Пал Палыч Звягинцев. Хотя, с другой стороны, – старый козел не так уж плохо. Мог бы и жирным боровом обозвать. «Зачем же все-таки я ему понадобился?..»

Звягинцев интуитивно чувствовал, что этот неудачный утренний визит как-то связан с неожиданным исчезновением Васи из «Розы ветров». Да и потом, днем, он еще раз пытался прорваться к Звягинцеву.

«И почему я только не открыл», – тоскливо подумал Пал Палыч.

Ладно, ничего уже не исправишь, фарш невозможно повернуть назад, как любил говаривать сам Вася. А вот навесить «Каменный мешок» все же стоит.

Звягинцев отпустил с богом мальчишку, попрощался с мухомором Штиллером и отправился к портье Ивану за ключом.

Спустя полчаса он уже открывал «Каменный мешок», даже не зная, что может там найти.

Поверхностный осмотр, так же, как и детальный, разочаровал его.

Ничего впечатляющего, кроме давно выработавших свой ресурс лыж и экипировки. Звягинцев помнил о том, что сказал ему мальчишка: перед тем как уйти Вася подбирал ему палки и крепления. Именно их Звягинцев осмотрел в первую очередь, дуя себе на пальцы: в «Каменном мешке» было холоднее, чем на улице.

Ничего криминального среди палок и креплений не нашлось.

Еще раз все осмотрев, Звягинцев понял, что визит сюда был совершенно бесполезным. Он уже собрался было выйти из «Каменного мешка», когда заметил на полу крошечный медальон на цепочке.

Это был Васькин медальон, Звягинцев хорошо помнил его: Дева Мария со сложенными в молитвенном экстазе руками. Васька был католиком, хотя и довольно легкомысленным, так что медальон служил ему скорее в качестве амулета.

Кряхтя, охая и опасаясь за собственную поясницу, только что вырвавшуюся из лап радикулита, Звягинцев нагнулся и подобрал серебряную вещицу. Нет, цепочка не была порвана (на что втайне надеялся Пал Палыч), просто расстегнулся замок медальона.

Звягинцев сунул находку в карман – то-то обрадуется Василий, когда узнает, что нашлась его безделушка, – и покинул «Каменный мешок».

Возвратив ключ портье, он направился к себе в номер.

История с Васькой начала казаться ему абсурдной. Равно как и та возня, которую он затеял вокруг нее. Наверняка мальчоныш вернется в самое ближайшее время. Вернется и все объяснит. Излишнюю нервозность и мнительность Звягинцев отнес за счет отступившей болезни, которая несколько ослабила его умственные способности и адекватность восприятия действительности. Такое уже случалось с ним: после приступов он становился нежным и сентиментальным, как одомашненная цесарка.

Чтобы окончательно прийти в себя, он решил выпить пятьдесят граммов спирта из канистры, припрятанной в шифоньере, и заодно дожидаться основных сил спасателей: уж они-то все точно ему объяснят. А до этого погадать на любимой книге – «Колыбельная для ежика».

Книга его покойного сына стала для Звягинцева своеобразным цитатником Мао: он находил в ней ответы на все вопросы. Вот и сейчас, развалившись в кресле и хлопнув спирту без закуси, Пал Палыч загадал на ближайшее время и на странное исчезновение Васьки Сикачинского.

Тринадцатая страница, пятая строка сверху.

То, что он прочитал спустя несколько секунд, повергло его в глубокую задумчивость. Пятая строка сверху и хвост шестой на тринадцатой странице книги-прорицательницы гласили: *«Запомни, ежик, никогда не следует доверять тому, кто приходит с южного края опушки и возвращается на южный край: он может причинить тебе зло, потому что*

способен прикинуться кем угодно».

* * *

Инка, как всегда, опаздывала.

Иона и Марк успели выкурить по три сигареты, даже обычно спокойная Ольга начала нервничать. Наконец Инка появилась в поле зрения. Собственно, это была уже не Инка, а ходячий каталог последних достижений горнолыжного снаряжения. Она двигалась так надменно, как будто ценники с многими нулями все еще болтались на ее новехонькой экипировке. «Ничего не скажешь, отец вложил целое состояние в этот ее горнолыжный каприз», – подумала Ольга. В детстве он мало баловал саму Ольгу – не позволяли финансы. Зато теперь он мог раскошелиться, и Инка виртуозно этим пользовалась. Впрочем, нужно отдать ей должное: ее мачеха, недостигаемый идеал хорошенькой ветреной женщины и лучшая подруга по совместительству, выглядела очень эффектно.

– Я не опоздала? – томно спросила Инка, сдвигая на лоб горнолыжные очки.

– Опоздала, но какое это имеет значение? – ответил Марк за всех. – Прошу, леди, горы поданы!

– Не многовато ли шику? – Иона, судя по всему, тоже умел делать комплименты.

– В самый раз, – на подобные провокации Инка просто не

реагировала.

Все они – и Марк с Ольгой, и Инка, и Иона, – представляли собой довольно живописную группу. При этом Иона совершенно явно тянул на роль туземца-сопровождающего. Все остальные же подозрительно смахивали на пресыщенных нуворишей, решивших убить карманные деньги таким экзотическим способом, как спуск с гор. Ботинки «Lange», фишеровские лыжи; костюмы, в которых можно было смело отправляться на какое-нибудь пати в какое-нибудь посольство какой-нибудь северной страны. Только у Марка был шлем. Женщины ограничились кокетливыми шапочками, а у Ионы вообще не было никакого головного убора.

Не сговариваясь, Марк и Инка взяли короткие карвинговые лыжи – они мнили себя спортсменами-любителями. И только Ольга, ни разу в жизни не побывавшая в шкуре горнолыжника, ограничилась самым обыкновенным классическим вариантом снаряжения: просто и со вкусом, никаких архитектурных излишеств, полное соответствие высокому званию «чайника».

– Ну что, двинули? – спросил Иона.

– Давно пора, дорогуша, – опоздавшая Инка теперь жаждала наверстать упущенное.

– Билеты взяли?

Билеты на право спуска Марк прихватил у портье еще вчера.

Спустя минуту кавалькада двинулась в сторону фуникуле-

ра, который должен был доставить их к самому началу спуска.

...Едва они сели в него, как встал вопрос: что делать с Ольгой.

Ольга, по ее собственному признанию, последний раз становилась на лыжи в восьмом классе средней школы, да и то это был массовый забег по целинным землям Подмосковья. Теперь же предстоял спуск с гор, о котором Ольга не имела ни малейшего представления. Исходя из этого, ее следовало отправить на трассу для новичков, но этому воспротивился Марк: он не хотел расставаться с женой ни на час.

– Тебе не стоит волноваться, – попробовал убедить его Иона. – Я позанимаюсь с ней.

– Вот этого-то как раз я боюсь больше всего. – Марк был предельно откровенен, ему явно не нравились те знаки внимания, которые Иона оказывает Ольге.

– Марк, душка, по-моему, это бред ревности, – проницательно заметила Инка. – Есть такой специальный термин в психиатрии. Не хочешь провериться на сей предмет?

– Не хочу, – отрезал Марк.

На некоторое время они замолчали, зачарованные открывающимся с фуникулера пейзажем. Горы были так красивы, так совершенны, так девственно-чисты, что у Ольги даже защемило сердце. Внизу проплывали верхушки сосен, слаломные вешки, густо утыканные игрушечными фигурками лыжников. «Роза ветров» осталась далеко внизу, ее здания похо-

дили теперь на детали яркого детского конструктора. Ольга вдруг подумала о парне, пропавшем несколько дней назад. Должно быть, он тоже поднимался на этом фуникулере, – может, даже сидел на том месте, на котором сидит она... А горы не стали церемониться с ним, уволокли в укромный уголок... Должно быть, в горах полно укромных уголков, так же, как и в душе любого человека. И в каждом из них лежат под снегом мертвые лыжники: измены, тайные желания, о которых никому невозможно рассказать, подавленные страсти, неутоленные амбиции... Важно не наткнуться на них случайно и не вытащить на свет.

Впрочем, не стоит об этом беспокоиться, ты всегда была образцом уравновешенности, Ольга. Тебе и в голову не приходило изменить мужу, попросить у отца денег на машину, просрочить переводы для издательства больше чем на восемь дней. Даже лыжи ты выбрала классические, без особых притязаний...

...Через несколько минут фуникулер выплюнул их на хорошо утрамбованной площадке. До начала спуска было не более ста метров.

– Вам не кажется, что здесь слишком много соискателей? – неожиданно спросила Инка.

– В каком смысле? – удивился Марк.

– В самом прямом. Тут людей больше, чем в Ялте в разгар купального сезона.

– А ты хотела, чтобы их было как в областном театре на

премьере производственной пьесы современного автора?

– Хотя бы!..

Впрочем, сетования Инки были явно преувеличены: лыжников в обозримом пространстве вряд ли набиралось больше двух десятков.

– Да какая тебе разница?

– Видишь ли, Марик, душка, скоростной спуск – это дело интимное. Почти как бритье ног. Хотелось бы, чтобы было как можно меньше свидетелей.

– Свидетелей чего? Бритья ног или твоих подвигов на лыжах?

– Того и другого.

– Ну извини.

– Вы поможете мне закрепить лыжи, Иона? – Инке надоело препираться с Марком, и она переключилась на его брата.

– Конечно, – Иона улыбнулся. – Обожаю этих «новых русских»...

– Всех подряд или выборочно? – неожиданно для себя спросила Ольга. И вдруг поймала себя на том, что в ее голосе прозвучало именно то легкомысленное кокетство, которым всегда отличалась Инка. Если так пойдет и дальше, то придется сделать короткую стрижку и называть своего собственного мужа «Марик, душка».

– Всех подряд.

– Чему обязаны такой высокой честью? – Инка подмигнула Ольге, что-то, а быть «новой русской» ей нравилось.

Если учесть, что большую часть своей жизни она провела в благородной бедности, визитной карточкой которой была зарплата ее матери – воспитательницы в интернате для детей с замедленным развитием.

– Интересно за вами наблюдать, – с готовностью ответил Иона, видимо, он уже давно подготовил эти тезисы, вот только развить их пока не представлялось возможности. – Накупите себе снаряжения на многие тысячи долларов, два раза спуститесь с отключенным задом и на прямых ногах – и все... На этом ваши привязанности к лыжам заканчиваются.

– Что «все»?

– Отправляйтесь в бар, требовать водки, цыган с медведями и винтовку для стендовой стрельбы.

– Почему же винтовку? – спросил Марк.

– Ну, не винтовку, – Иона пристально посмотрел на брата. – Романтических шлюх для финской бани. С обязательным разрядом по прыжкам с трамплина.

– По-моему, вы им завидуете, Иона! – засмеялась Инка. – Этим замечательным парням – «новым русским»...

Марк не стал дожидаться завершения дискуссии. Он выбрал для себя самое подходящее место для начала спуска: это не была хорошо вылизанная трасса, ради которой они поднялись сюда. Марк взял левее по склону, и теперь все они хорошо видели, что он ринулся вниз по глубокому снегу, в котором изредка мелькали проплешины наледи.

Это был показательный спуск – Ольга чувствовала, что

Марку особенно важно пройти его, иначе бы он не был самим собой. Впрочем, все эти мысли тотчас же вылетели у нее из головы – то, что делал Марк, завораживало ее: он несся в рыхлом, нетронutom снегу, бросая вызов силе тяготения. Иногда он почти ложился на склон, вписываясь в поворот. Иногда Ольге казалось, что он упадет, и падение будет страшным. Только сейчас она заметила скалу, припорошенную предательски тонким слоем снега. Эта скала неизбежно высилась на пути Марка.

И тогда нервы ее не выдержали: она повернулась лицом к Инке – только бы не видеть возможного падения – и сжала кулаки. Ольга уже готова была зажмуриться, вот только выражение Инкиного лица остановило ее: суженные волнением зрачки, сжатые губы... Кто бы мог подумать, что Инка, не терпящая Марка по определению, так переживает за него!..

– Как там? – спросила Ольга подругу прерывистым шепотом. Впрочем, она уже знала, что все в порядке: лицо Инки разгладилось, а глаза наполнились влажным восхищенным светом.

– Смотри, Лелишна! – не удержалась Инка.

Смотри, опасности нет, говорили ее раздувающиеся ноздри. Ольга повернулась и увидела Марка в момент взлета над скалой: он действительно летел! Жесткий силуэт на фоне ослепительно яркого неба...

– Что скажете, Иона? – спросила Инка, когда Марк благополучно приземлился и скрылся внизу.

– Только то, что он знает толк в лыжах, – надменно сказал Иона, и это была единственная похвала, которой удостоился Марк. – Выбрал самые лучшие. Они сами все делают, только и всего.

Только и всего!

Это было так чудовищно несправедливо, что у Ольги даже выступили слезы на глазах. Конечно же, она знала, что Марк действительно выбрал самые хорошие лыжи – он говорил ей об этом вчера, после того, как они вернулись из бара. Говорил только затем, чтобы отвлечь Ольгу от тягостных воспоминаний о снежном городке со скульптурами.

«Это замечательные лыжи, Ольга, они делают потрясающие вещи... Это как будто гонки на мотоциклах, так же захватывает дух...» – «Разве ты когда-нибудь имел дело с мотоциклами, Марк? Ты ведь никогда не отличался тягой к экстремальности, даже свой «Фольксваген» водишь предельно собранно: ни единого штрафного балла в правах...» – «Это потому, что я даю взятки гаишникам, кара, а сам я прирожденный лихач...»

«Марк, Марк, как же все-таки я мало знаю о тебе! И как мне нравится то, что я о тебе узнаю... Мотоциклы, лыжи – теперь еще этот фантастический полет над обледеневшей скалой... Что же, есть дополнительный повод, чтобы в очередной раз по уши влюбиться в собственного мужа...»

Ольга была так занята собственными мыслями, что даже не обратила внимания на то, что пикировка между Инкой и

Ионой обострилась: похоже на то, что Инка выбрала братьев Красинских мальчиками для битья.

– По-моему, он вполне профессионально спустился, Иона. Вы не находите?

– Для начала неплохо.

– «Неплохо»! – даже Инка при всей нелюбви к Марку не могла не отдать ему должное. – Может быть, рискнете повторить его подвиг, а? Покажете класс?

– Может быть.

– По той же траектории. Я имею в виду скалу.

– Может быть.

– Тогда вперед, а за нашей начинающей я присмотрю.

Иона быстро взглянул на Ольгу и почесал переносицу.

– Если будете спускаться, лучше это делать на оборудованной трассе. Возьмете чуть правее от этого места. Это несложно, там все катаются. Хотя, конечно, лучше вам дожидаться нас...

– Когда это еще будет! – Инка с сомнением посмотрела вниз: спуск был довольно длинным.

– А вам бы я вообще не рекомендовал, Ольга, – продолжил Иона. – Здесь слаломный вариант, новичку его не осилить. Еще наткнетесь на вешки...

– Не наткнется, – отрезала Инка. – Она вообще может не спускаться, дождется вас. Позагорает пока. Ты как, Лелишна?

Ольга промолчала. Что тут можно сказать...

– Ну, давайте, Иона!

– Не нужно, – вдруг тихо сказала Ольга.

– В смысле – не нужно? – Инка удивленно посмотрела на подругу.

– Оставайтесь здесь, Иона. Покажете мне азы.

– Да ладно тебе! Пусть спускается. Он ведь все-таки абориген... Вдохновит живым примером.

Ольга вдруг подумала о том, что Иона не сможет повторить полет Марка: она ничего не понимала в горных лыжах, но Марк успел преподать ей несколько теоретических уроков.

При прочих равных условиях все дело в лыжах. Иона прав.

Из всех возможных Марк действительно выбрал самый оптимальный вариант: короткие, суженные в середине лыжи давали ему необходимое преимущество. У Ионы лыжи были самые обыкновенные, несмотря на то что он безвылазно жил в горах. А вдруг Иона не сможет повторить все то, что делал Марк, не впишется в поворот...

Что тогда?

Она даже тряхнула головой и запоздало рассердилась на себя: откуда этот страх за человека, с которым она познакомилась только вчера?.. Она боялась за Марка, исчезнувшего внизу, – но это был спонтанный, сиюминутный страх. Страх за Иону возник подспудно и теперь тихо тлел на самом дне души...

Не говоря ни слова, Иона оттолкнулся палками и отправился к тому месту, с которого начинал свой спуск Марк. На снежной целине виднелся едва заметный след от его лыж. Через секунду Иона проложит свою собственную траекторию, и обе они пересекутся только возле скалы.

...Иона шел так же уверенно, как и Марк, вот только дуги его поворотов были несколько шире. Он успешно преодолел трамплин скалы и на секунду завис в воздухе. И снова Ольга зажмурилась. Спустя секунду Инка подтолкнула ее локтем:

– Все в порядке, Лелишна. А нервы, как я посмотрю, у тебя ни к черту. Нужно было взять с собой наштаत्य, чтобы приводить тебя в чувство.

– Да нет, все в порядке...

– Ты думаешь? – Инка с сомнением посмотрела на подругу. – А по-моему, далеко не все в порядке.

– Что ты имеешь в виду?

– Я бы сказала, что у подножия этих гор нас ждет чье-то разбитое сердце. И возможно, не одно.

Ольга вспыхнула. В этой фразе была вся Инка. Она никогда не отличалась особо развитым интеллектом, и самым серьезным писателем, которого она осилила, был Артур Конан Дойл. Ее пучило от любимого Ольгой Стравинского, даже безобидная виолончель Мананы, стоявшая в их загородном доме, вызывала у Инки приступы острой тоски. Но во всем, что касалось отношений между женщиной и женщиной, Инка проявляла чудеса проницательности. Ее изощрен-

ный женский ум, воспринимавший жизнь как бесконечный флирт, был в состоянии просчитать и запомнить любые комбинации. И каждая из этих комбинаций срабатывала безошибочно.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросила Ольга.

– Еще пара дней, и эти гамбургские петухи будут драться из-за тебя.

– Я не понимаю...

– Да ладно тебе! Такие вещи понимает любая женщина. Вот что, Лелишна: вылезай-ка из своих гишпанских стишков и посмотри на мир широко открытыми глазами.

– Я люблю Марка, – неожиданно сказала Ольга.

Господи, это же и так ясно! Она любит своего мужа... Ольга вдруг поймала себя на мысли, что говорит это вовсе не для Инессы, а для себя. Так обычно заучивают текст, чтобы не забыть его: разбивая на смысловые категории, запоминая ключевые слова. Именно так учила ее Манана, когда была жива: смысл – ключевое слово.

Я люблю Марка.

Смысл – «Я люблю».

Ключевое слово – «Марк».

Или «Марк» уже не является ключевым словом? Именно об этом ей сказали дерзкие глаза Ионы.

– Ты можешь любить кого угодно, – жестко сказала Инка. – Дело не в тебе.

– Вот как? – Ольга почувствовала укол самого обыкно-

венного женского... нет, бабского самолюбия. – Дело в них самих. Не очень-то они ладят, это видно невооруженным взглядом. Особенно младшенький старается. Я понимаю, горы – это романтика. Но сидеть здесь целый год с голой задницей, периодически выгребая из завалов остатки «Завтрака туриста»... Чье угодно самолюбие взвоят. А тут приезжает богатый братец, да еще с женой... Сам бог велел ее соблазнить. А ты же знаешь, чем соблазняют мужчины...

– Чем?

– Деньгами, если есть. Или членом. Если есть.

– Господи, о чем только ты говоришь!

– Об анатомии, Лелишна, об анатомии. Анатомия страсти так же примитивна, как и анатомический атлас человека: берцовые кости, тазобедренные кости, плюсна и двенадцать пар ребер.

– Звучит устрашающе.

– Только звучит... На самом деле – ничего опасного. Слушай, неужели ты никогда не изменяла своему мужу?

– А ты?

Это был провокационный вопрос: ни Ольга, ни тем более Инка ни на минуту не забывали, что Игорь Анатольевич – отец Ольги. Это доставляло некоторые неудобства в общении. Еще в институтские годы Инка обожала делиться сексуальными впечатлениями с подругой, в этом была маленькая слабость, делавшая Инку просто неотразимой. Теперь же на эти темы было наложено табу – из соображений морали.

– Знаешь, о чем я думаю? – перевела разговор Инка.

– О какой-нибудь гадости.

– Ну что ты! Мы с Игорем серьезно подумываем о том, чтобы подарить тебе братца или сестренку. Как тебе такая мысль?

– Я в восторге.

– Игорь хочет мальчика.

Конечно же, мальчика, это и так понятно. Мальчика. Наследника состояния. Сейчас отец сможет дать ребенку все, включая какой-нибудь сумрачный старомодный Кембридж. Или Оксфорд. Хотя... Странно, что Инка вообще об этом заговорила. Несколько лет назад у них уже был разговор о детях – тогда Инка сказала с пренебрежением: «Сопли, пеленки, растяжки, геморрой, грудь обвиснет, морда оплывет... Нет, Лелишна, это не для меня...»

– Ну что, прокатимся, пока я еще не беременна? И не живу в кошмарном режиме от овуляции до овуляции.

Ольга улыбнулась. Теперь она понимала, что так привлекает к Инке мужчин: немного тяжеловатый циничный юмор, который вполне может сойти за интеллектуальный флирт. А вкупе с обаятельной мордашкой и мальчишеским затылком это вообще термоядерная смесь. Ольга – совсем другое дело. Она красива – гораздо более красива, чем Инка, – но это банальная, немного пресная красота. Над Ольгой, еще с ранней юности, довлела одна-единственная, неважно переведенная строчка из «Мужчины и женщины», ее любимого

фильма: «Петь самбу без грусти – все равно что любить женщину только за то, что она красива».

Просто красива, и все. Никакой изюминки.

Интересно, почему Марк – ее умница муж, блистательный циник, выбрал именно ее, Ольгу. По всем объективным критериям Инка подходит ему гораздо больше. Интересно, когда они появятся здесь – Марк и Иона? И кто из них будет первым?..

Ольга шла следом за Инкой к оборудованному спуску: новички в горах должны четко придерживаться всех инструкций.

– Ну, я полетела! – сказала Инка, ерзая на лыжах по утрамбованному снегу. – Что передать мальчикам, если встречу?

– Пламенный привет.

– Заметано! Может быть, рискнем вместе?

Инка всегда была безжалостна. Она прекрасно знала, что Ольга первый раз стала на горные лыжи, что термины «плуг» и «полуплуг» для нее такой же пустой звук, как и словосочетание «меламино-формальдегидные смолы», – и все равно тащит ее вниз.

– Нет, – Ольга покачала головой, – лучше я на вас сверху посмотрю.

– Ничего страшного здесь нет, – в отсутствие двух опытных горнолыжников Инка осталась за главную и не отказала себе в удовольствии покуражиться. – Я, между прочим, с

первого раза съехала. Вполне удачно.

– Верится с трудом.

– Правда-правда...

– Я буду ждать Марка.

– Марка или Иону?

– Я буду ждать своего мужа.

– Ты когда-нибудь отлипаешь от его гульфика, Лелишна?

Ты же взрослая девочка...

Не дождавшись ответа, Инка сильно оттолкнулась и соскользнула вниз, по склону, утыканному вешками. Сначала она шла неуверенно, но потом собралась и вполне неплохо преодолела дистанцию, умудрившись не упасть: во всяком случае, пока находилась в поле зрения Ольги.

Проводив ее взглядом, Ольга повернулась к солнцу, подставила лицо его лучам и закрыла глаза. Так она простояла несколько минут, пока совсем рядом не услышала чей-то голос:

– На вашем месте, Ольга, я бы так не рисковала в первый день!

Ольга вздрогнула и обернулась.

Наталья. Та самая женщина, которая, стеноя, пила виски в женском туалете. Теперь она стояла рядом с ней, уже немного подшофе – это было видно. Ольга поморщилась. Марк говорил ей, что пьяных не пускают даже на подъемник, но, с другой стороны, если есть деньги и яростное желание... Наталья была без лыжных палок, на голове – повязка из сложен-

ной в несколько раз банданы. Странно, что при таком обилии трасс они столкнулись именно на этой. Несчастливая летучая мышь как будто преследует ее. Прошлым вечером в баре было совсем другое освещение, и она показалась Ольге гораздо старше. Сегодня же подретушированный солнцем жесткий овал лица выглядел почти юным. И сегодня, во всяком случае сейчас, она была без очков. Тяжелые толстые линзы, несомненно, портят ее, неужели она этого не замечает?

– Я не рискую, – рассудительно сказала Ольга. – Вряд ли вообще я спущусь сегодня вниз. Во всяком случае, своим ходом.

– Значит, вы первый раз в горах? – Наталья позволила себе улыбнуться. – Поздравляю... Хотя я имела в виду вовсе не спуск. Не стоит так безрассудно подставлять лицо. Ультрафиолет. Кожа начнет слезать клочьями. Солнце здесь беспощадное. Здесь все беспощадное.

Наталья сглотнула.

Ну, конечно, она все еще не может прийти в себя после исчезновения того парня. Ольга вдруг испугалась за нее. Подниматься наверх в таком состоянии – для этого нужно иметь веские причины.

– Может быть, спустимся вместе? – неожиданно предложила она Наталье. – А вы мне поможете. Проинструктируете.

– А где же ваши спутники?

– Там, – Ольга сделала неопределенный жест рукой.

– Бросили вас? – В словах Натальи Ольге почудилось странное болезненное удовлетворение: она вкладывала в него сразу несколько смыслов. – Меня тоже бросили. Но я не расстраиваюсь. Я привыкла. А вам лучше бы отправиться на трассу для новичков.

– Хорошо.

– Хотите посмотреть, как это произойдет?

– Что?

– Что-нибудь, – Наталья хихикнула. – Что-нибудь всегда происходит.

– Послушайте... – Ольга замялась. – Почему вы не носите контактные линзы? Они бы вам наверняка пошли.

– А что? – насторожилась Наталья.

– Очки вас старят... Вы же молодая женщина. И отлично выглядите без очков.

– А может быть, мне нравится так выглядеть, Ольга, – с вызовом ответила Наталья и тут же смягчила резкий тон: – А вообще – спасибо. Редко встретишь женщину, способную на комплимент другой женщине.

– Не стоит благодарности, – улыбнулась Ольга. – Но, честное слово, в очках – вы совершенно другой человек.

– Тогда, пожалуй, стоит спуститься вниз.

И прежде, чем Ольга успела что-нибудь сказать, Наталья оставила ее.

«Получается неплохо, – отметила про себя Ольга, – меня окружают пижонистые профессионалы, надо же! А без палок

получается даже эффективнее.

Ничего она с собой не сделает, напрасно я боялась».

– Опять вас донимает эта сумасшедшая? – Ну, конечно же, это Иона. Он уже вернулся: самый добросовестный из ее попечителей.

– А где Марк? – спросила Ольга.

– А где ваша подруга?

– Укатила. Где Марк?

– Не знаю. – Перехватив исполненный тревоги взгляд Ольги, Иона ободряюще улыбнулся. – Да вы не волнуйтесь, я видел его внизу. Он благополучно приземлился.

– А почему же он не поднялся ко мне?

– Не знаю.

Ольга даже не успела обидеться: Иона лихо подкатил к ней вплотную, высекая из-под лыж ослепительно яркие брызги снега. Оказавшись в опасной близости от молодой женщины, Иона положил руку на перчатку Ольги.

– Ну что, приступим к обучению?

– Поташите меня на трассу для новичков? Мне ее все настоятельно рекомендуют. С самого утра.

– Нет. Хочу предложить вам альтернативный вариант.

– Это далеко?

– Ближе, чем вы можете себе представить.

Ольга еще раз внимательно осмотрела окрестности и маячащую где-то вдали тушу фуникулера. Никакого намека на любимого мужа. «Ну и черт с тобой, Марк, раз ты так ко мне

относишься! Укачу с твоим братом и буду кокетничать с ним напропалую».

– Я согласна. Только предупреждаю – я не очень хорошая ученица.

– А я не очень хороший учитель. Так что мы квиты.

– Учтите, вы взваливаете на себя непосильную ношу.

– Посильную.

Иона так откровенно и недвусмысленно заглянул ей в глаза, что Ольга даже не нашлась, что ответить. Вот Инка – та обязательно придумала бы что-нибудь веселенькое, что-нибудь пикантное, как раз на грани фола. Ольга же не нашла ничего лучшего, как попытаться пожурить Иону:

– По-моему, то, что вы делаете, называется запрещенным приемом.

– Запрещенным для меня или для вас?

– Для вас. Он все-таки ваш брат.

– В некоторых вещах каждый за себя. Впрочем, у вас ведь тоже есть возможность выбрать.

– Все, хватит. Я не хочу больше ничего слушать. Если вы собрались учить меня – учите.

...Они шли очень медленно: Ольга нарочно едва передвигала ноги, чтобы заставить Иону хоть немного позлиться. Но он оказался терпелив, хотя расстояние, которое они преодолели за полчаса, он мог бы покрыть за пять минут.

– Ну вот мы и на месте. Как вам лягушатник?

– Вполне.

Место действительно оказалось замечательным: с трех сторон его окружали скалы, вниз же несколькими уступами уходил относительно пологий склон, который заканчивался небольшим гладким, как стол, плато. Иона спустился к плато несколько раз – с самой разной скоростью. Закончив обкатку, он снова вернулся к Ольге.

– Снег отличный, Ольга, вам будет легко.

– А я... – настороженно спросила Ольга.

– Нет, с плато вы не свалитесь, даже если разовьете крейсерскую скорость. Ну что, созрели к восприятию нескольких теоретических уроков?

– И даже перезрела.

В течение последующего часа Иона показывал Ольге основные приемы спуска и подъема, корректировал посадку, нагрузку на лыжи и радиус поворотов.

– А ноги держите пошире, Ольга, у вас ведь карвинговые лыжи... Узкое ведение теперь не актуально. Вы поняли меня?.. Если попадетсЯ лед – давите на лыжи полностью, а связка будет выглядеть так: влево, вправо, длинный поворот, короткий поворот, легкое скольжение...

Как ни странно, она совсем забыла и о Марке, и об Инессе, ей нравилось все: близкие скалы, почти смыкающиеся над головой, твердый крупнозернистый снег, скольжение нежной, почти восковой поверхности лыж. Она даже съехала с первого уступа – осторожно и старательно. Она вообще была осторожным человеком.

– Ну что? – спросила она у Ионы, когда в очередной раз поднялась наверх.

– Неплохо, – сказал он, впрочем, без особого энтузиазма. – Совсем неплохо. Только...

– Что? Я делаю что-то не так?

– Все так, только очень уж старательно.

– Я думала, что как раз это не является недостатком. – Щеки ее вспыхнули. Непонятно почему: неужели ей так хочется нравиться этому человеку? Нравиться и во всем оправдывать ожидания.

– Это не недостаток. Просто для горных лыж одной старательности маловато.

– Нужно что-то еще? – допытывалась Ольга. Впрочем, все и так ясно: вставать рано и тренировок не пропускать. Терпение и труд все перетрут.

– Вдохновение. Именно так. Вдохновение.

Марк, в лексиконе которого не было таких безнадежно устаревших слов, называл это куражом. Или – после фуршета с иностранными инвесторами, на псевдоанглийский манер, – драйв: термин стареющих хиппи, инвалидов Вудстока.

Кураж – вот чего всегда не хватало Ольге. С вдохновением все было проще, стоило только открыть Сесара Вальехо и погрузиться в его поэзию. Но, видимо, у Ионы были совсем другие представления о вдохновении.

– Вы когда-нибудь занимались любовью?

– Я не давала вам права... – Ольга покраснела.

– Вы не поняли... Я не хотел вас обидеть. Я просто хотел сказать... Ведь для того, чтобы заниматься любовью, тоже нужно вдохновение... Иначе это просто акробатика... Фристайл... Не больше.

– Для того чтобы заниматься любовью, нужно любить. Только и всего, – с тихой злостью сказала Ольга и – неожиданно для Ионы – понеслась вниз.

К черту эти уступы, к черту это плато, только сейчас нужно пригнуться и перенести тяжесть на внешнюю лыжу, кажется, именно так учил ее Иона... К черту этого Иону с его дурацкими постулатами, сопляк, даже понятия не имеющий о любви... Как он мог, как он только посмел, что он может знать... Случайные девочки в случайно подобранных горнолыжных ботинках, необязательные поцелуи, от которых за версту разит пивом, шары в кегельбане, презервативы, небрежно заткнутые в задний карман джинсов; ломти жареного картофеля на простынях, в узкой щели между двумя телами, – вот и вся его любовь... Вот и все его вдохновение в любви...

Она не выдержала темпа, она не справилась с поворотом – и покатилась вниз по склону, путаясь в лыжах и палках, путаясь в презрительных словах, которые собиралась сказать Ионе, но так и не сказала...

Сопляк, самоуверенный сопляк, положивший взгляд на то, что ему не принадлежит. Позволивший себе так ненавязчиво хамить... Кажется, все в порядке, даже колено не бес-

покоит, а ведь она ударилась коленом...

Ольга лежала в снегу и не шевелилась.

Да, ее первый спуск прошел удачно, переход Суворова через Альпы, ничего не скажешь. Она повернула голову, стянула перчатку, помогая себе зубами, – и захватила горсть снега.

Снег оказался сладковатым на вкус: ни дать ни взять сахарная вата, которую покупал ей отец на дальних подступах к ГУМу. Втайне от Мананы, которая всегда говорила, что девочки должны есть черемшу, а не сахарную вату. От черемши лучше растут волосы, а от сахарной ваты портятся зубы...

Иона подкатил через минуту (опаздываете, адъютант его превосходительства!) и упал в снег рядом с Ольгой. Совсем близко она увидела его взволнованное лицо.

– Не ушиблись?

– Цела, не радуйтесь.

– Обиделись на меня?

– С чего вы взяли? И не думала обижаться...

– Простите... Я не хотел. Не хотел задеть вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.